

ЗЕЛЁНЫЙ

ПУЧ

№ 4 (3) 2020

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Литературный журнал «Зеленый луч»

Коллектив авторов
Зеленый луч №4 2020

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Зеленый луч №4 2020 / Коллектив авторов — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Литературный журнал «Зеленый луч»)

ISBN 978-5-907350-20-5

Периодическое издание «Зелёный луч» теперь имеет новый статус – приложения к литературному журналу «Российский колокол». Однако «Зелёный луч» по-прежнему сохраняет свои издательские традиции и представляет читателям яркие образцы современной прозы, поэзии и драматургии. Особое место в журнале занимают произведения для детей. Кроме того, в «Зелёном луче» собраны сведения об авторах вошедших в него произведений, а также информация о недавно изданных книгах. Поэтому «Зелёный луч» будет интересен всем – детям и взрослым, исследователям литературы и просто тем, кто любит читать.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-20-5

© Коллектив авторов, 2020

© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

От редакции	6
Литературные путешествия – 2019	7
Поэзия	11
Татьяна Иванченко	11
Старая открытка	11
«Наш тихий крымский дворик опустел...»	12
«В Севастополе ливень, и солнце над Бахчисараем...»	13
«Меня встречали на пороге храма...»	14
Крымская легенда	15
«Как будто в ноги тычутся щенки...»	15
«Осенний лес неизъяснимо нежен...»	15
«Вот старый ключ от незакрытой двери...»	16
Наталья Колесникова	17
«Я выпала из времени традиций...»	17
Колыбельная	17
«У неба есть время Синее...»	18
«Есть мир, где воздух солнцем не согрет...»	18
«Мне сегодня приснились кони...»	19
«Тёплый полдень погремушкой рыжей...»	19
Возвращение	19
«Хочу увидеть небо бирюзовым...»	20
Виктор Перепечкин	22
«Любил он небо, ловких птиц...»	22
«Алеет зорьки полоса...»	23
«Повырастали, вижу, дети...»	23
«Приснились ночью ильмени...»	24
Астрахань (графика)	25
Бабочка	25
Проза	27
Ольга Маркова	27
Отдушина	27
Гусарская баллада	33
Вадим Матвеев	35
Детство	35
Лариса Дегтярёва	45
Маленькие радости	45
Мемуары. Харабали	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Зеленый луч

© Интернациональный Союз писателей, 2020

От редакции

Итак, имеем удовольствие сообщить, что с этого номера «ЗЛ» приобретает новый статус – статус приложения к литературному журналу «Российский колокол». Это значительно расширяет наши возможности находить своего читателя, а также и своего писателя – все больше и больше регионов нашей страны указывается на этих страницах. Отдельное спасибо за это председателю Международного правления Интернационального Союза писателей Александру Гриценко, поддерживающему сразу несколько подобных литературных проектов. Такая задача – дело крайне непростое и ответственное, и мы, со своей стороны, стараемся его не подвести. Представляемый вашему вниманию номер формировался в преддверии 75-летия Великой Победы, хотя далеко не все материалы посвящены этой тематике. Мы предоставили авторам полную свободу выбора, но так уж получилось, что большая часть произведений все же о нашей памяти, памяти о детстве, о дедах и прадедах, о стране. Кроме того, в номере сразу три пьесы, и две из них – детские. Одна написана для детей нашим другом, астраханским автором, ушедшим от нас совсем недавно, эта публикация – память о нем. А другая пьеса прислана девочкой двенадцати лет, живущей в Луганске. В этом номере мы представляем большую подборку писателей из этого города, а несколько ранее в луганском литературном альманахе «Крылья» были опубликованы стихи нашего редактора Татьяны Иванченко. Этот писательский обмен состоялся также благодаря посредничеству Александра Гриценко, и, надеемся, наше творческое общение продолжится, как и общение с писателями Москвы и Санкт-Петербурга, Ялты и Тюмени, Оренбурга и Уфы, Ставрополя и Краснодарского края. Приятного прочтения!

Литературные путешествия – 2019

С 23 по 25 мая 2019 г. прошёл VI очередной отчётно-выборный съезд Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей». В старинную, красивую, одетую в молодую листву Пензу съехались делегаты – представители отделений и представительств СРП из всех регионов России. Мне выпала честь представлять Астраханское представительство СРП.

В первый день работы съезда писатели заслушали отчётный доклад первого секретаря правления Союза российских писателей Светланы Владимировны Василенко, обсудили творческие и организационные вопросы, избрали новый состав руководящих органов СРП, поставили множество новых задач. 24 мая в Государственном Лермонтовском музее-заповеднике «Тарханы» состоялся Координационный совет Союза российских писателей.

В последний день работы съезда мы побывали на экскурсии в музее Всеволода Мейерхольда.

На подобных мероприятиях роль союза, его работа видятся, безусловно, масштабнее. Какую помощь оказывают писателям, как повышают публикационную активность, как устанавливают связи писателей с читателями, писателей друг с другом, какие возможности предлагаются для развития...

Впечатляет, сколько в нашей стране талантливых людей! Разных, интересных, колоритных, одухотворённых, потрясающих! Привезла в Астрахань чемодан книг – из Оренбурга, Ставрополя, Санкт-Петербурга, Калуги, Омска... Почти все – изданные при поддержке Союза российских писателей.

В июне в рамках ежегодного отпуска и заслуженного отдыха мы с председателем Астраханского представительства Союза российских писателей Татьяной Иванченко посетили Ялтинское отделение СРП. В ялтинской библиотеке состоялась творческая встреча, звучали красивые стихи и волшебная музыка. Мы открыли для себя новые имена и, в свою очередь, представили литературную Астрахань: прочли стихи, подарили книги, в том числе и наш литературный журнал «Зелёный луч». Завязалась творческая дружба – настоящая, крепкая.

*Ялта. Встреча с крымскими писателями.
Сидят: крайняя слева Татьяна Иванченко,
в центре Татьяна Парусникова, секретарь Крымского
регионального отделения СРП (фото Л. Дегтярёвой)*

С 19 по 21 сентября 2019 года я принимала участие

С 19 по 21 сентября 2019 года я принимала участие во Всероссийском семинаре молодых писателей «Мы выросли в России» в Оренбурге. Из разных уголков нашей страны съехались прошедшие конкурсный отбор молодые писатели – начинающие поэты, прозаики, фантасты, драматурги и публицисты. Семинар был организован прекрасно – плодотворная работа, разноформатные выступления, поездка в музей-усадьбу Сергея Тимофеевича Аксакова... По итогам семинара лучшим авторам были вручены совершенно необходимые для писателей подарки – сертификаты на издание книг.

Я в неописуемом восторге от Оренбурга и Бугуруслана. Потрясена красотой тамошних рек. Впечатлил памятник-копилка, что стоит на оренбургской улице Советской. Это бронзовая фигура собаки на круглом основании с прорезью, в которую люди бросают деньги. Собранные средства идут на помощь бездомным животным. Очень хочется иметь такой памятник и у нас, в Астрахани, и по всей России.

...никогда не стоит на оренбургской улице Совет

Лариса ДЕГТЯРЁВА

Поэзия

Татьяна Иванченко

Старая открытка

«Алупка. Скала Айвазовского» —
открытка из старых залежей.
Нашла случайно. Читаю
текст чужого письма:
«Привет из Ялты! Ну как вы там?
Домой уезжаем завтра мы».
И дата: май сорок первого —
курортный и мирный май.

Я с детства играть с картинками
любила до невозможности —
Развалины или парки
и барышни неглиже...
А эта открытка серая,
советская, не заморская,
Ничем меня не затронула.
Лежит себе – и лежит.

Совсем я её не помнила!
А что там? Скала с оградкою,
Женщина, море, небо —
такой банальный сюжет.
Обычная фотокарточка,
разве что чуть раскрашена:
Женщина – розоватая,
скалы – немного в желть.
Какая же в ней романтика
для девочки, не умеющей
Читать? И была отложена
открытка на дно коробки.
А волны катились по морю,
с собой уносили мелочи —
Да вот скала Айвазовского
стояла, как видно, прочно.

Терпение есть у Времени.
Никто не умнеет загодя.
Держу я открытку старую —
а краски густы и яркие.

И женщина довоенная
глядит в безысходно завтрашний
День. И горит как зарево:
«Сорок первый. Привет из Ялты».

«Наш тихий крымский дворик опустел...»

Веронике

Наш тихий крымский дворик опустел,
Я во дворе с хозяйскою собакой.
И никаких особо важных дел,
Да и неважных – никаких, однако.

Мы уезжаем завтра – вышел срок
Туда-сюда метаний и восторгов.
Но этот милый маленький мирок
Не отпускает от себя надолго.

Он весь в себе – надёжность и покой,
Вокруг платана древнего прилеплен.
Он состоит из всяких пустяков,
А заодно – из жизней и столетий.

Над Воронцовским вычурным дворцом
Так вознесён его зелёный купол!
Здесь ни начал не сыщешь, ни концов,
И каждый век с другими перепутан.

Здесь сладок сон, здесь утром – благодать,
И тишина так нежно гладит кожу,
А в темноте вечерняя звезда
В портал ветвей неторопливо входит.

Ряд кипарисов, словно ряд колонн,
Обозначает зыбкую границу
Прекрасных дней, а кажется – времён,
Где я живу – а кажется, что снится.

Я всё ещё ребёнок – здесь, сейчас,
И я опять наивна до прозренья.
Светлеют блики солнца на плечах,
Играют брызги тени на коленях...

И я веду неспешный разговор
С собакой, небом, каменной стеною
И прорастаю в этот старый двор,

Как тот платан, что за моей спиной.

И что же делать с детской мечтой,
Вот так, под старость, ставшей у порога?..
Наш крымский дворик грустный и пустой.
Вот попрощаюсь снова – и в дорогу...

«В Севастополе ливень, и солнце над Бахчисараем...»

В Севастополе ливень, и солнце над Бахчисараем,
Или наоборот – нас морочат и солнце, и дождь.
Мы блуждаем по Крыму, дороги и неба на грани,
И блуждает погода под шорох колёс и подошв.

То смывая следы и вздувая потоки по тропам,
То слепя нам глаза, обдавая нас жаром с небес,
Субтропический климат всё время куда-то торопит,
И всё время мы мокнем – неважно, в одежде или без.

Где-то справа с горы опускаются сизые тучи,
Где-то слева царит безупречно прозрачная синь —
Но, куда ни сверни, всё решит непредвиденный случай,
А у случая точно бессмысленно что-то просить.

Мы всё время спешим, успевая и не успевая,
Нам же нужно узнать эту землю до края, до дна.
Даже если и снег неожиданно где-то повалит,
Мы воспримем и снег как подарок, ниспосланный нам.

Мы блуждаем по Крыму, вбирая его многоликость,
Не жалея бензина, и пота, и собственных ног.
Мы включаем себя в это царство изломанных линий,
Чтобы стать его частью, пускай и на мизерный срок.

В Севастополе солнце, и ливень над Бахчисараем.
В херсонесских домах засыхает седая трава.
Розы в ханском дворце, как под мощной струёй из крана,
Продолжают упрямо дворцовые тайны скрывать.

А в Мисхоре штормит, над Русалкой взмывается пена,
А в любимой Алушке платаны тревожно шуршат.
Так прольётся ли дождь? Знают крымские боги, наверно, —
Или солнце затопит знакомый кусок ЮБШ?

Только крымские боги и знают, какую дорогой
Мы вернёмся домой, – но один нас надёжно хранит.
Мы над Крымом летим – и его нам ни мало ни много,

И какие короткие и бесконечные дни...

«**Меня встречали на пороге храма...»**

Меня встречали на пороге храма
Разнообразие детских голосов,
Огромный пёс обломовского нрава,
Разлёгшийся меж вёдер и лесов,

Игрушки, тряпки, мраморные плиты,
Покрытые цементной пылью,
И солнечный, полуденно разлитый,
Надвратный свет, стекавший на лицо.

Кругом ремонт, но – повезло, должно быть —
В тот самый час во храме – никого.
И по седым ступеням, как по нотам,
Я углублялась в музыку его.

И было так: ни голоса, ни скрипа,
Ни отдалённых шорохов извне.
Огромный мир – и маленькая пристань,
Невесть за что подаренная мне.

Как византийских фресок отраженье,
Как сочетанье тверди и земли,
В надчеловеческом изображенье
Передо мной святые проросли.

Они взмывали надо мной, как сосны,
В высоких кронах плыли облака,
А выше них, в парении бессонном
Благословляла Божия рука.

И было так: от Бога и до Бога
Круговорот творенья и Творца.
И мы несли к отцовскому порогу
Полученное нами от Отца.

Земных ремёсел грубые законы
Дарили нам прозрения свои,
И чудотворной делалась икона
От человеческой Веры и Любви.

Вот так и плыл, как свет в высоких окнах,
На всё ответ, прекрасный, как мечта...
А на полу играл и бился отблеск

От с высоты взглянувшего Христа...

Крымская легенда

Как у крымских легенд прихотливы курортные судьбы!
Самый грустный сюжет разбивается тёплой волной.
Как бы нам замереть и проникнуться самую сутью —
Только слишком пьянят это солнце и это вино!

Так на пляже в Мисхоре Русалка стоически сносит
Развесёлых пловцов, что ныряют с неё в глубину.
Оживить бы её самой тёмной безлунною ночью
И исправить чуть-чуть вековую пред нею вину.

Мы б накинули плед на безумно уставшие плечи,
Мы б обняли младенца, игрушку ему подарив.
Мы б поплакали вместе, наверно, – и стало бы легче, —
Поглядев, как Венера над нами печально горит.

Но не встретить Арзы на безлюдном предутреннем пляже,
Разве где-то вдали заиграет морская волна.
Впрочем, кто-то опять эту сказку ребёнку расскажет
И поселит Русалку в прекрасных и сумрачных снах...

«Как будто в ноги тычутся щенки...»

Как будто в ноги тычутся щенки,
Как будто белки семечки с руки
Хватают, и как будто наяву
На вёсельной я лодочке плыву

В далёком-предалёком далеке
По мною же придуманной реке.
А лёгкое касание весла
Нежнее взмаха птичьего крыла.

И сказка наступает наконец,
И с неба улыбается отец.
Вот так гляжу на внука своего,
И больше мне не нужно ничего...

«Осенний лес неизъяснимо нежен...»

Осенний лес неизъяснимо нежен,
Как будто убаюкивает взгляд,
А сквозь него процеженное небо
Стекает вниз – хоть кружку подставляй.

Я в этом мире в общем-то чужая,
Держу блокнот, пытаюсь сочинить,
Как хорошо, случайно проезжая,
Поймать покоя тоненькую нить.

Ещё чуть-чуть, и двигатель разрушит
Из тишины сплетённое панно,
И то, что так разнеживает душу,
Исчезнет, как закроется окно.

И снова трасса побежит навстречу,
Лишь успевай глядеть по сторонам.
До наноточки околосердечной
Сожмутся небо, лес и тишина...

«Вот старый ключ от незакрытой двери...»

Вот старый ключ от незакрытой двери,
Которой нет немислимо давно.
А мне никак не хочется поверить,
Что возвращенье мне не суждено.

Куда уходят прежние пространства
Обжитых комнат, обогретьх стен?
И я опять наивно и напрасно
Касаюсь этих бесполезных тем.

Но что же делать, если помнят пальцы
То бывший стол, то бывшую кровать,
Куда же деть измученную память,
Куда же сны о детстве подевать?

И вот опять иконы и портреты,
Кувшины деда, старая герань,
И на века растянутое лето —
А мне в саду крыжовник собирать...

Наталья Колесникова

«Я выпала из времени традиций...»

Я выпала из времени традиций,
Статичных форм и тихого движенья,
Но, проходя сквозь стены униженья,
Я только здесь хотела бы родиться.
Где каждый день я чувствую спиною
Суровый взгляд обиженных столетий,
Холодных ливней камерные плети
С небес свисают тусклой пеленою.
Когда опять кидают в мои двери
Пустые слухи, мелочные сплетни,
Я вспоминаю тёплый ветер летний
И, сбросив плен ненужных суеверий,
Иду бродить по улицам знакомым,
Заплаканную память взяв в подруги.
И льётся колокольный звон упругий,
Мечты и чувства выводя из комы.
Устоев старых празднуя паденье,
Мятежный дух дробит лучами площадь,
И свежий ветер облака полощет...
Я в мир вхожу, как в первый миг рожденья.

Колыбельная

«На деревьях снег, снег,
Бьётся в окна снег, снег.
На комодe – снег старинный,
На столе – бумажный снег.

Тает вечер мандаринный.
Утром будет свет, свет,
Чистый, чудный свет, свет —
Сказки самое начало.
Засыпай, мой ясный свет».

Нежно мать дитя качала.

«Звёзды видят сон, сон,
Мыши слышат сон, сон.
Над подушкой – сон голубки,
Под подушкой – чёрный сон.

На полу – Луны скорлупки.

Утром будет свет, свет,
Чистый, чудный свет, свет.
Дни бегут оторопело...
Ты уже уснул, мой свет?»

Мать у колыбели пела.

«У неба есть время Синее...»

У неба есть время Синее,
С жемчужным пятном на краю.
В большой кувшин Абиссинии
Я Жёлтое время налью.
Фантазии детства – яркие:
Их время – Оранжевый сон,
Когда раздают подарки и...
Цвет грусти совсем невесом.
Зелёное время отдано
Траве – и стремятся весной,
Как бабочки, верноподданно
Надежды к поляне лесной!
Но осень, лишаясь бремени,
Бросает в оконный проём
Листву. Лишь Любовь – вне времени —
В цветном королевстве моём.

«Есть мир, где воздух солнцем не согрет...»

Есть мир, где воздух солнцем не согрет,
Поля не помнят радости цветения,
Не видят дети радости в игре...
Входя в тот мир, меняюсь местом с тенью я.
Коварный мир, расчётливо немой,
Засасывает дни в воронку узкую.
И хочется кричать: «Ты – мир не мо-о-ой!»
Но вороны всё так же битвы лужгают.
Не в бой, а в небо армии идут,
Как зомби – отрешённо и доверчиво...
О, если б только вычеркнуть беду
Из жизни каждой куклы гуттаперчевой!
Сердца наполнить нежностью, такой,
Чтоб даже звёзды впали в изумление...
Тогда тот мир откупится тоской,

И солнце вспыхнет в новом поколении!

«Мне сегодня приснились кони...»

Мне сегодня приснились кони:
Солнцеглазые, тонконогие.
Там, где ветер травинки клонит,
К небу шли они, одинокие.
Одичалые, вечер пили,
Тихо ржали, тянулись мордами
К заколдованной звёздной пыли.
Были кони безумно гордыми,
Теплотою ржаной дышали,
Чуть косясь на тени кудлатые.
Кони прятались в чёрной шали
И считали себя крылатыми.
Быстроногие недотроги...
Вспоминая преданья старые,
Ветер гривы сплетал в дороги,
По которым ушли, усталые,
Мои сны – неземные кони.

«Тёплый полдень погремушкой рыжей...»

Тёплый полдень погремушкой рыжей
Простучал под окнами зимы.
Хмурились растроганные крыши...
Строчками стихов дышали мы.
За спиной шептались тихо стены —
Мудрые седые старики.
Из каких-то неземных растений
Лёг кораблик на пролив руки.
И ракушкой хрустнул под ногами
День, зовущий в солнечную даль.
В небо мы ушли, за облаками,
Не оставив брэнного следа.
Пролетали пчёлами печали.
Ландыши ликующих земель
Ароматом радости встречали...
Мы ушли, не вспомнив о зиме.

Возвращение

Мне тесно в застенках осеннего рая,
Где спелые кущи сочатся ванилью...
И даже скрипящие двери сараев
Нас в детстве сильнее и слаще манили...

Запретные яблоки старого сада
Беспечно срывала и морщилась – кисло...
Костры листопада, как пламя распада...
Над степью туманом молчанье повисло...

...Слиловые липкие капли на пальцах —
Сочится сироп из прозрачной бутылки.
И детство заботливо втиснуто в пальцы.
Но ссадины снова, вихры на затылке

Никак не желают покорно ложиться,
Вплетаться волнами в атласные ленты.
И снова бегу я в поля, где душица,
И клевер, и хмель... Вечных сказок моменты

Казались важнее послушных концовок,
Касались словами сердец распростёртых.
Герои себя не вели образцово,
И были их шпаги до блеска натёрты.

Свобода была и концом, и началом
Волшебных фантазий... Мне снова не спится.
Опять мне из детства зовуще кричала
Когда-то спасённая синяя птица.

«Хочу увидеть небо бирюзовым...»

Хочу увидеть небо бирюзовым,
Услышать тихий звон монеты медной,
Открыть замки и ржавые засовы —
Пробраться белкой юркой незаметно
Сквозь времена – на чистые страницы
Заведомо счастливого романа...
И будут снова трепетать ресницы
От поцелуя, сладкого дурмана.
Не обманусь я образом заветным,
Торжественно зовущим и манящим.
По отблескам и шорохам рассветным
Найду дорогу к чувствам настоящим.
Чудачества и ветреность излишни —
Повсюду чары нежности и неги.
И даже лепестки цветущей вишни

Мне не напомнят о холодном снеге...
Сквозь облака заря легко струится
И ласково ложится на ладони —
И хочется, как в детстве, помолиться,
Увидев крылья бабочки в бутоне.

Виктор Перепечкин

«Любил он небо, ловких птиц...»

*Посвящается Ширяеву Всеволоду
Александровичу, лётчику-штурмовику Ил-2,
погибшему 4 сентября 1942 г.*

Любил он небо, ловких птиц,
Быть звёздным соколом – награда.
Он верил в крылья, в свет зарниц,
Спасая сердце Сталинграда.
А город так пылал в огне,
Что не обжечься было сложно.
Такого слова, «осторожно»,
По правде нету на войне.
Пропеллер вспарывал бока
Лиловых туч, знобил планшетку,
Когда вспотевшая рука
Вдруг твёрдо жала на гашетку.
Сегодня ты живой, ты – цел,
И ты ещё сыграешь в покер.
Какой восторг смотреть в прицел,
Где зло дымит подбитый «фоккер»!
До завтра – вечность... Да, крута
Дорога бед, нужды, сражений.
А под крылом уж Хулхута —
Для псов непрошенных ошейник.
Здесь небо Родины в дыму,
Не пробиваемом снарядом.
Ведомый, дай же знак ему,
Что «мессершмитты» где-то рядом.
Кто из окопов не молил:
Эх, верх взяла бы эскадрилья!
Вот только свесил будто Ил
Свинцом простроченные крылья.
С полсотни вытянутых шей,
В ладонях скомканы пилотки,
Траншеи, высохшие глотки...
И длинный – смерти чёрный шлейф.
В час нескончаемых атак,
Когда с землёй сродни останки,
Направил он воздушный танк
С небес на вражеские танки.
Он верил в крылья, в свет зарниц,
В ломоть ржаного, с печки, хлеба,

В любовь к Отчизне без границ,
Как это выстраданное небо.

«Алеет зорьки полоса...»

Алеет зорьки полоса,
Мир солнца ждёт для поцелуя.
Кругом роса. Звенит коса.
Душа на выдох: «Аллилуйя!»
Блестит роса. Поёт коса.
И грустный дух готов смириться.
Зелёных веток паруса
Вновь поднимает божья птица.
На малахитовых лугах,
Нам с самых ранних лет знакомых,
Как разноцветная пурга,
Слетелись стаи насекомых.
И вот уж пух от ивняка
Не оставляет равнодушных —
Того, кто ночь наверняка
Провёл в покоях летних, душных.
Трепещут небо и река
И орошают скопом землю.
И облака, как берега,
Чей нрав младенческий приемлю.
И тут и там в траве шуршит...
И сердце трогательно бьётся,
Как солнце смолкнувшей души,
Что вдоволь горечи напьётся.

«Повырастали, вижу, дети...»

Повырастали, вижу, дети,
Не скрыть натруженные руки.
И след их смело топчут эти —
Ну, как их гордо кличут – внуки?!
Конечно же, родные внуки,
Чья доля – вечно огрызаться...
И, если не с нуля, – с абзаца
Вновь претерпеть ходы и муки.
Перелистать страницы детства,
Вдруг перемелется-спечётся
Из перекупленного теста
Походка новая, причёска.
А повезёт – не за печенку —

Проверить толк семи условий,
Как горы гордую чеченку:
Не преступать, не прекословить.
Жалея, сердцу вправе жаться —
Так в холоде вдруг жмётся птица.
Ну что на вас мне обижаться?
За всех вас впору мне молиться.
Пусть где-то я сгущаю краски,
А сказка на ночь, чтоб согреться...
Душа никак щедра от ласки —
А как от любящего сердца.
Повырастали, пообжились
И тянут руки к солнцу детки,
Как будто звёздам побожились
В лесу берёзовые ветки.
Когда эмоции наружу —
Абсурд, и всё на этом фоне.
Дай бог им клятву не нарушить
И строй отточенных симфоний.
За это выдержу разлуки
И контрибуции с китайца...
Ах, как их гордо кличут – внуки!
Созвездье молодости, звуки
И поиск вечного скитальца.

«Приснились ночью ильмени...»

Приснились ночью ильмени.
Осенний дождь кропит окошко.
Тоска, ты чуть повремени,
Ты задержись в пути немножко.

На ум приходят имена,
Чтобы с ума вдруг не свихнуться.
И вдох, как капелька вина,
Чтоб в мир, который спит, вернуться.

Свет ускользает, как линии
Сквозь дырку в стареньком лукошке.
Постойте! Это чьи огни
В далёком призрачном окошке?

Я помню: снились купола
Церквей утопленных, именье...
Куда ты, юность, уплыла,
Разбив сердца в одно мгновенье?

В одно мгновенье выбит день
Из колеи, весь в позолоте.
И снова бродит чья-то тень,
Молясь усердно, на болоте.

И грянул гром... и грянул гром,
Блатного слова удостоен.
Вот я, к примеру, строю дом,
И он всё время недостроен.

Углами вытравлен, какмышь,
А ночь крадётся, словно кошка.
Осенний дождь кропит окошко,
И где-то зло скрипит камыш.

Астрахань (графика)

Астра... Аст-Ра... Аст-Ра-Хань...
Словно в осень – злую рань —
Чернобровых чаек брань.
Знатен в бисере росы
Звон отточенной косы.
Звёздной ночи горб и дань.
Дар божественный и грань.
Грань земли, почти огранок, —
Мудрость сердца астраханок.
Соль земли – печальный лотос
И звезды далёкой голос.
Голос трубный бога Ра,
Светотени и игра
В символ выплесканных зорь
И в судьбы иной узор.

Бабочка

Бабушка убила бабочку на глазах у внука.
Что за трагедия?! Но малышу стало больно...
«Бабочка, – говорила бабушка, – красива, но вредна.
Летает как птица, а мыслит как червяк».
Каприз природы! Но малышу было больно...
Никакая конфетка не могла утешить его.
Светит солнце, жужжат мухи... Всё как прежде.
Своим детским чутьём он понимал: что-то случилось.
Он готов был отдать любимую машинку, чтоб только...
Почему стало вдруг так противно и неудобно?

«Бабушка! Бабушка!» – вырывалось изнутри.
Но припухшие губы пролепетали: «Ба-боч-ка...»
Бабочка, наверное, тебе было больно?!
Больно было маленькому мальчику,
Больно было его огромной – как весь огород – душе.
«Может, бабочка не любила бабушку?
Я тоже иногда не люблю бабу... А если она меня?..»
Холодок по спине породил мурашки,
И короткий испуг отобразился на лице ребёнка.
За что бабочке любить бабушку?
Бабушка не кормила бабочку кашей
И не клала ей мокрый платок на голову...
Бабочка, как два сшитых вместе лепестка,
А бабушка большая, пятиконечная, как звезда.
Малыш вытянул руки и расставил ноги,
Представил себя маленькой звёздочкой.
Потом резко подался вперёд
И с вытянутыми в стороны, как крылья, руками
Побежал по тропинке вдоль забора.
Чем не бабочка?!
Он не думал заменить бабочку собой —
Философия взрослых здесь не прокатит.
Когда малыш нарезвился, напрыгался
И даже где-то отхватил царапину на коленке —
Ему не было, как полчаса назад, больно.
И только я опытным краем глаза заметил:
Внук мой несколько изменился,
Что-то в нём пробудилось и ожило...
Вот только что это?!

Проза

Ольга Маркова

Отдушина

1

Когда Славка был маленьким, он большую часть года жил у бабушки ввиду постоянных командировок родителей. Бабушка любила своего единственного внука самозабвенно и во всех его болячках, непрекращающихся простудах и возрастных капризах всегда винила свою непутёвую дочь, которую в неполных восемнадцать лет угораздило выскочить замуж за шалопутного папашку Славки – чокнутого научного сотрудника орнитологической лаборатории, вечно шастающего по своим никчёмным копеечным экспедициям «за синей птицей».

Если молодой отец семейства, сидя за обеденным столом в гостях у тёщи, вдохновенно веселил Славку бесчисленными птичьими прибаутками, имитируя то трели зяблика, то обворожительные флейтовые переливы иволги, бабушка сквозь редкие недолеченные зубы нашёптывала дочке Светлане:

– Скажи ему, пусть прекратит свои посвистушки. И так денег в доме не бывает.

Вскоре Славкины родители были приглашены на работу в дремуче-отдалённый западносибирский питомник. Мама – лаборантом, а папа – перспективным заведующим научным отделом. Славку бабушка им не отдала. Разве можно ему, такому слабенькому, в лютые морозы из нижеволжского тепла?! Да родители и не сопротивлялись этому. Тогда они ещё слишком были увлечены своими научными открытиями и романтическими приключениями.

Четырёхлетний Славка остался под бабушкиной опекой. В шесть лет он уже почти не помнил прибауток отца, но терпкий запах корицы, неуловимо исходивший от маминых каштановых волос, отпечатался в его памяти надолго. Голоса родителей, изредка звонивших ему и бабушке по телефону, оставались такими же весёлыми и притягательными, как прежде, а периодические посылки с кедровыми орешками, брусничным вареньем, сушёными белыми грибами и разными другими вкусностями на какое-то время возмещали недоданное ребёнку родительское тепло.

С навязчивым вниманием бабушки Тази к своей персоне шестилетний Славка смирялся с трудом. Она сопровождала его и на повседневных прогулках, и в походах на дни рождения к дворовым друзьям. Только Таисия Петровна знала, какие продукты необходимы подрастающему Славкиному организму, а какие наносят непоправимый вред. Но иногда и у него выдавались часы относительного покоя.

Славка терпеть не мог ходить по продуктовым магазинам и стоять в душных очередях. Однажды он умудрился упасть в обморок в магазине «Дары Каспия» при покупке бабушкой полуживых сазанчиков. Причиной тому были тошнотворный запах сырой рыбы и пузырящаяся кровянистая пена на поверхности огромного стеклянного аквариума с мутноватой водой, откуда этих бедолаг вытаскивали огромным сачком. С этой поры бабушка наложила вето на их совместные шопинги эпохи брежневизма. Отправляясь за покупками, она оставляла Славку домовничать.

Тщательно заперев на два замка обитую дерматином дверь на пятом этаже типовой двухкомнатной хрущёвки, добытчица-пенсионерка спешила по своим хозяйственным делам. Обрато бабушка возвращалась часа через два, изредка – через три. Для Славки это было время отдохновения и редкого ощущения свободы.

Оставшись один, он безудержно бегал с улюлюканьем вокруг огромного овального стола, изображая индейца, кувыркался множество раз через голову на старом потёртом паласе, затем взбирался на высокую пружинную кровать бабушки, как спортсмены на батут, где до изнеможения прыгал, пытаясь дотянуться руками до белёного потолка, а затем прицельно пикировал в мягкую гору пуховых подушек. Чуть передохнув и подкрепившись на кухне молоком с бабушкиными медовыми блинчиками, он предавался более спокойному времяпрепровождению – рассматриванию книжек с картинками.

На стеллажах в комнате хранилась весьма приличная библиотека, доставшаяся семье от деда – военного фотокорреспондента, внезапно ушедшего из жизни в год Славкиного рождения, – она-то и притягивала к себе Славку пуще магнита. Особенно притягательными казались ему смешные карикатуры каких-то Кукрыниксов, чьё кучерявое имя одновременно и настораживало его, и вызывало невольный смехок.

Иногда в тишине квартиры раздавались приглушённые свистяще-булькающие звуки. Тогда Славке казалось, будто запертый в огромной замкнутой ёмкости хрипящий зверь с невероятным усилием пытается вырваться наружу. В такие минуты Славка на мгновение замирал и опасливо взглядывал в сторону коридора. Он давно вычислил, что загадка этих звуков, вызывавших в нём самые противоречивые чувства, таится в небольшой вентиляционной отдушине ванной комнаты.

Здесь читателю необходимо пояснить, что особенно цепляло и будоражило в этой отдушине Славкино воображение.

Стандартное округлое отверстие над ванной, прикрытое квадратом железной решётки, имело весьма неординарное расположение. Оно в квартире Селивёрстовых размещалось не под потолком, как у других соседей, а чернело аккуратно посередке стены сверлящим душу глазком тюремной камеры. Бабушка объясняла это явление халтурой строителей-невольников. Для жильцов не было секретом, что в конце пятидесятых при строительстве хрущёвок использовался бесплатный труд сидельцев тюремной зоны. Ходили слухи, что два кореша-уголовника при облицовочных работах пятого этажа дали стрекача. Во всяком случае, найти их тогда никому не удалось.

– Будто в воздухе растворились, – ахая, пересказывала бабушка соседкам эту городскую легенду.

Когда приближался час купания, Славка обречённо погружал своё худенькое тело в распаренные глубины эмалированной ванны с пенистым бадузаном. При этом он изо всех сил старался не обращать внимания на всевидящее око страшившей его отдушины. Бабушка, отдав внуку последние наставления, удалялась, притворив за собой дверь ванной, и отдушина начинала медленно и неотвратно овладевать его мыслями, движениями, мимикой... Он чувствовал, как нечто таинственное неотступно следит за ним из чёрного пространства стены. В такие минуты каждый взмах его рук, подбрасывающих вверх брызги с пузырями ароматной бадузанной пены, становился до ужаса театральным. Так неопытные артисты работают на кинокамеру, постоянно думая о ней.

Из отдушины в ванную проникали отголоски иной, потусторонней, жизни. По ней струились и текли потоки невидимого воздуха. Иногда, слишком высоко приподнявшись над ванной, чтобы потереть мыльной губкой живот и всё, что пониже, Славка ощущал лёгкое дуновение вдоль левого виска. Оно было слегка влажноватым, тревожным, манящим. Славка старался не смотреть в сторону пугающего отверстия. Лишь однажды, во время очередного купания,

вконец осмелев, он вдруг вплотную прижался животом к запотевшему кафелю стены, чуть привстал на цыпочки и, заслонив ладонями глаза от яркого света потолочной лампочки, точно приклеенный, стал вглядываться за прикрывающую отверстие решётку – внутрь пустоты.

Вначале он не ощутил ничего, кроме крошечной тьмы. В нос ударил резкий запах клопов и плесени проржавевших труб. Но постепенно откуда-то издали, из бесконечности чёрного провала, появился мерцающий лучик. Приближаясь, он становился всё ярче и вскоре заполнил пространство вентиляционного отверстия ровным голубоватым светом.

Внезапно стало холодно. Славка попытался отодвинуться от стены, но не смог. Всем нутром своего мальчишечьего организма он почувствовал, как медленно растворяется, проникая внутрь отдушины, а затем плавно скользит и растекается по стенам необычного, устремляющегося в никуда светового коридора.

Предприняв невероятное усилие, Славка издал истошный вопль, после которого последовала яркая вспышка света, и его уже почти не существующее тело пронзила нестерпимая боль. За этим последовало стремительное падение в до краёв наполненную ванну.

Всё, что Славка более или менее отчётливо припоминал впоследствии из произошедшего с ним, – это шум перетекающей в ушах и заполняющей носовую полость воды, постепенное возвращение сознания, себя, лежащего на кухонной кушетке под огромной простыней, бабушку, склонившуюся над ним с пропитанной нашатырём ваткой и громко причитавшую:

– Упарился мой соколик, ишь как упарился!

2

Стоял знойный август 1993 года. Над городским микрорайоном уже с утра нависла плотная облачная пелена, но долгожданной влаги она не обещала, напротив, температура воздуха продолжала неумолимо ползти к сорока градусам. Вдоль прогретого асфальта струилось марево. В квартирах, гоняя раскалённый воздух, дружно работали длинноногие вентиляторы.

Станислав потянул на себя тугую дверь подъезда и, еле протиснувшись внутрь, начал неизбежный подъём на верхний этаж. Слегка задержался на третьем этаже перед выцарапанным на зелёной краске стены посланием: «Все люди – зомби, а солнце – ржавый фонарь. Остановись, Земля, – я сойду!». Ощупал изрядно распухшую левую скулу и заплывший глаз. Буркнул под нос: «Вполне согласен с автором».

Затем он долго возился с ключами у двери. Наконец заедающий замок поддался, и Станислав ступил в прихожую старенькой квартиры своего детства. Квартира давненько пустовала, а у него всё никак не доходили руки забежать и навести здесь хотя бы относительный порядок для приёма очередных постояльцев.

Квартирка эта слыла среди соседей «нехорошей». За последние два года жильцы в ней менялись уже пятый раз. Не приживались они в ней, хоть тресни.

Последний квартиросъёмщик, грузный бесцеремонный кавказец, после трёхнедельного обитания на сдаваемой жилплощади как сквозь землю провалился, не заплатив ни гроша, оставив на диване и подоконниках россыпи свежейизданной ваххабитской литературы. Почти месяц после этого инцидента Славку одолевала милиция. Седоватый следователь с широкими монгольскими скулами и скользящим поперёк Славкиной головы взглядом совал ему под нос однообразные фотографии бородатых горцев, отснятых в профиль и анфас, требуя их немедленного опознания.

Деньги Славке были ой как нужны! На днях он потерял одну работку, по своей дури потерял. Конечно, это была не государственная и не бюджетная служба, какую давно уже невозможно было отыскать в его маленьком городке. Так, небольшие шабашки. Фоткал для одного знакомого сутенёра его продажных телок в разных пикантных позах. А в свободное от этих

заказов время занимался строительно-ремонтными работами на даче у своего зажиточного друга Серёги Воронкова. Всё-таки строительный техникум за плечами остался как-никак. Там, на дачной мансарде друга, он и проживал уже третий год, сдавая бывшую бабушкину, а теперь уже свою квартиру внаём.

Как и положено идеальному мужику в известной поговорке, он поэтапно достраивал Серёгин дом, высаживал по просьбе его жены Татьяны фруктовые деревья, занимался с хозяйским сыном-первоклассником репетиторством по русскому языку и арифметике. Только всё это было чужое, не близкое, не своё, а потому удовлетворения от проделанной работы Станислав не испытывал.

Постоянного заработка он не имел. А кто его, кроме одиночек-везунчиков, в эти годы имел? Но вчера взбесил его тот сутенёр низкой копеечной оценкой его труда. Вырвал Славка из его рук заказное портфолио, да и разорвал фотки с прелестями всех этих проституток на мелкие кусочки. А за то получил по своей физиономии множественные удары и лишился своего кормильца – фирменного фотоаппарата, отнятого у него в тот момент, когда он, растянувшись на скользком мраморном полу в фойе ресторана, подвернул ногу и, несмотря на свои протестные действия, был грубо вышвырнут за дверь.

Необходимо сказать, что с фотоаппаратами у него отношения всегда ладились. Великолепные фотографии как-то сами собой получались. Хоть на фирменной заокеанской фототехнике, хоть на китайских мыльницах. Не всякий фотоас так угадывал с поворотом головы, драпировкой на кровати или с цветовыми фотоэффектами. А он это будто по наитию делал. Да только заказы к нему что-то не очень сыпались. Вот и жил от одного заработка до другого. С семейной жизнью тоже не складывалось. Да и как сложится, если в глазах одни леди лёгкого поведения маячили? С ними и крутил. Денег копить не умел и не хотел – для кого?..

Потеря в Славкиной жизни к тому времени было предостаточно.

Частенько он прокручивал в памяти невесёлые сюжеты своего детско-отроческого бытия: предательство отца, нашедшего-таки в неведомой экспедиции свою чудесную «синюю птицу» – грациозного специалиста по белоснежным стерхам француженку Изабель; его поспешное расставание с ещё не осознавшей всего ужаса произошедшего, похожей на худенького синюшного цыплёнка мамой; незамедлительный выезд на международную конференцию в Париж с новой возлюбленной, где вскоре отец приобрёл статус невозвращенца и навсегда исчез из Славкиной жизни.

Припоминалась Станиславу и мучительная смерть от запущенной пневмонии его мамы, вернувшейся нежданно-негаданно в новогоднюю ночь 1972 года из заснеженной Сибири. Бабушка до последнего держалась стойко, ограждая, насколько возможно, своего внука от мелочных бытовых проблем, но и её несколько лет назад уволокло в мир иной неумолимое время. И вот теперь его лишили фотоаппарата – дорогого, между прочим, приобретения, той самой заветной его отдушины, которой он, проживая в неудобной, заваленной строительным лесом загородной мансарде, снимал виртуозные, но никому, как ему всегда казалось, не нужные художественные фото живой природы.

Естественно, после всего этого не грех было и напиться. Это он и сделал вчера на последнюю мелочь. А сегодня, сидя на табурете в небольшой кухоньке на пятом этаже без копейки в кармане, распахнув на все пуговицы хэбэшную рубашку и жадно глотая из бабушкиного мерного гранёного стакана потрескавшимися похмельными губами прохладную водопроводную воду, вдруг всем организмом прочувствовал такую чудовищную беспросветность, тшету и никчёмность своей уже почти тридцатилетней жизни, ощутил такое дикое одиночество, от которого – хоть в петлю лезь, хоть с балкона бросайся.

– И никому-то от меня никакой пользы, – подытожил он поток своего буйного сознания.

Ещё немного посидев в мрачных думах, Станислав встряхнул лохматой головой, отбрасывая дурные мысли. Приподнялся с кухонной табуретки, прохромал по комнате до балконной двери, распахнул её, и в квартиру ворвалось жалкое подобие ветерка.

Стрелки часов на пузатом комоде, всё ещё продолжавшие отсчитывать правильное время, приближались к 17:00. Шагнув на балкон, наш герой окинул тоскливым взором каменный мешок двора, неспешно выкурил последнюю сигарету и, скомкав пачку, взглянул поверх крыш.

Небеса были всё так же неподвижны и напоминали серые, нависшие над городом плиты потолочного перекрытия, готовые вот-вот обрушиться на монолитный мир пятиэтажек ливневым потоком. Омерзительный скользкий ком подкатил к горлу.

– Ни просвета, ни отдушины, – обречённо вздохнув, произнёс Славка. – На века застывшее пространство. Нырни вниз головой – ничегошеньки не изменится!..

Вдруг в одном из углов балкона, за невысокой, забитой старым тряпьем этажеркой, ему померещилось блеснувшее горлышко знакомой стеклотары. Ещё не веря в удачу, он ловким движением руки подхватил и извлёк из тайника непечатую бутылку с этикеткой «Русская водка», содрал серебристый ярлычок с прогретой бутылки, принохался... отхлебнул...

– Вроде она, сердешная. Тёплая, но желанная. От бабушкиных запасов, что ли, сохранилась?

Славка вернулся на кухню. В отключённом, без признаков жизни холодильнике «Саратов» нашёл полузасохший кусочек копчёной колбасы – подарок от испарившегося абрека. Наполнил до краёв стакан тепловатым напитком. Выпил. Жадно втянул ноздрями колбасный дух. Ему вдруг стало хорошо и безболезненно. Приобретшая зеленоватый оттенок скула почти не ныла, пальцы правой руки, отбитые о запертую перед его носом сутенёром и его шестёрками дверь, слушались. Он ещё немного отлил себе из бутылки, жадно запил «горькую» водой из крана и, прислонившись к стене, впал в дрему. В полусне он видел хлопчущую у кухонной плиты бабушку, слышал умиротворяющее шкворчание пузырящегося сливочного масла на сковородке и радостно обонял растущую на большой тарелке горку аппетитных блинов.

– Что же ты не кушаешь ничего? Бери скорей. А то тебе не достанется! – лукаво взглянув на него, пропела бабушка.

Но только он потянулся за поджаренным, с сахарной присыпкой блинчиком, видение испарилось.

Станислав открыл глаза. Его окружал полумрак. Незаметно подкрававшаяся ночь уже успела принакрыть чёрной вуалью узкое пространство окна.

Минуты две он соображал, где находится, потом привстал и щёлкнул выключателем. Кухня и часть прихожей утонули в медовом свете лампы Ильича.

Вдруг в тишине квартиры раздалось мерное урчание, словно из полости груди задыхающегося великана толчками выходил накопившийся воздух. В этот миг Славка вспомнил, как в далёком детстве он замирал при этих звуках и как безотчётно боялся вентиляционной отдушины в ванной. Как однажды упарился во время мытья и потерял сознание, но перед этим с ним случилось что-то другое, что он иногда пытался мучительно осознать и восстановить, но не мог. И всегда при этих обрывочных воспоминаниях откуда-то возникало странное ощущение пустоты и просветлённости.

Станислав выпил ещё полстакана «для храбрости» и нетвёрдой походкой, приволакивая ногу, направился к ванной комнате, поочерёдно натываясь на стены узкого коридора.

О, эти стены, эти нелепые сооружения городских джунглей. Они всегда и всюду подстергали его, мешали двигаться, дышать. Их не пробить лбом. О них даже нельзя убиться. Под ними можно только сидеть и ждать конца...

Ну вот и ванная. И странные звуки уже поутихли в её глубинах. Славка приоткрыл дверь, впуская туда немного света из прихожей. Из сверкнувшей в полутьме белой россыпи настенного кафеля ему чёрным глазом таинственно подмигнула отдушина. Она дразнила Славку, подманивала его к себе, обещала избавление от каменной тюрьмы.

Опираясь руками о кафель, он прогнулся над ванной и прислонил к отдушине своё разгорячённое лицо. В ту же секунду из отверстия в ванную стремительно ворвался ветер, слегка приподняв паруса Славкиной расстёгнутой рубашки.

От неожиданности он вздрогнул, но мгновение спустя ощутил в теле необычайную лёгкость. Загадочные глубины отдушины излучали ласкающий свет, вбирали, впитывали его в иной, неведомый им доселе мир свободы и раскрепощения, всасывали в себя целиком, без остатка. Окончательно поддавшись этому соблазну и более не сопротивляясь, Станислав стремительно заскользил по уходящему в темноту тоннелю навстречу неизвестности...

3

В городе уже была глубокая ночь. Алиса со всей силы хлопнула балконной дверью, которая на какое-то время отгородила её от неприступно восседавшего на краешке двухспальной кровати мужа. Она почти готова была убить этого человека за его возвышенно-менторский тон и пренебрежительную усмешечку в свой адрес, которая не исчезала с тщательно выбритого лица во время последней «задушевной» тирады:

– Да послушай ты меня. Не дури-и! Ну пойми ты хоть на йоту своей истеричной башкой (в этот момент он театрально простучал костяшками пальцев по своему высокому лбу) – ребёнок станет для нас камнем преткновения. Я не собираюсь жертвовать своими интересами в угоду полунцистскому существованию с дитятей вот в это-ой (он развёл руками, демонстрируя обшарпанные стены и старую мебель), этой жу-уткой необжи-итой одну-ушке и тебе не советую. В общем, так. На решение тебе даю неделю. Или живём по-прежнему, не паримся и я продолжаю зарабатывать на новую хату, или...

На этом самом месте Алиса стремительно выскочила на балкон и, облокотившись на перила, уже собиралась привычно «взречь белугой». Ещё месяц назад подобная тактика, может, и привела бы к временному хрупкому перемирию семейной пары. Но сейчас Алиса безнадежно осознавала, что чуда не произойдёт, что выбор супругом уже давно сделан и дело остаётся за малым.

Утирая непроизвольно наворачивающиеся слёзы, она с высоты пятого этажа рассеянно оглядывала двор с проступавшими из темноты силуэтами домов и такое же беспросветное небо.

– Середина августа, время звездопада и заветных желаний, – подвывал её внутренний голос, – а такая непроницаемая чернота вокруг и такая жуткая тоска на сердце, что хоть с балкона бросайся, хоть в петлю лезь...

В этот самый момент от воздуховода соседней пятиэтажки внезапно отделилась и зависла в полуметре от крыши голубая яркая звёздочка. Казалось, что это ангелы, услышав Алису с той стороны небес, продышали в плотной пелене туч небольшое светящееся отверстие. От звёздочки исходило ровное серебристое сияние, отчего её поверхность мягко пульсировала в такт дыханию Алисы.

Замерев от неожиданности, она инстинктивно прижала правую руку к своему слегка округлившемуся животу – и вдруг ощутила поднышающую из глубины чрева и тихонечко тронувшую её ладонь тёплую волну. Это длилось всего мгновение. Звёздочка, посылая в пространство лишь одной ей ведомые световые сигналы, стала стремительно набирать высоту. В эти

несколько секунд Алиса, подчиняясь внутреннему приказу, успела, разомкнув губы, выкрикнуть полушёпотом в ночное пространство:

– Хочу, чтобы...

Мигнув ещё разок на прощание, звёздочка растворилась в темноте.

На козырёк балкона обрушились первые тяжёлые капли дождя.

Гусарская баллада *(семейное предание)*

В 1942 году моему дедушке, уроженцу ловецкого села Марфино Сергею Маркову, довелось принять участие в обороне Севастополя. Сапёрный взвод 1167-го полка Особой Приморской армии, к которому были прикомандированы обучившиеся сапёрному делу астраханцы, расположился в иссушённой недостатком дождей Инкерманской долине, неподалёку от штолен Каменоломного оврага. В XIX веке здесь велись каменные выработки известняка, и многочисленные штольни от них связывались сетью причудливых коридоров. В 1930-е годы часть этих рукотворных подземелий была превращена в винные хранилища крупнейшего в СССР экспериментального завода шампанских вин. Во время героической обороны Севастополя в штольнях, по соседству с винными подвалами, существовал подземный город из горожан и солдат разрозненных стрелковых дивизий. Это были остатки полуголодных людей, не вывезенных в Новороссийск, на Большую землю, и оставленных без обещанного подкрепления в окружении фашистов на верную смерть. Немцы уже вплотную подходили к Севастополю. Обстрел орудий и авиации, не прекращавшийся ни днём, ни ночью, был жесточайшим. Солдаты принимали бой, однако их силы таяли на глазах. Сказывалась нехватка продуктов питания и медикаментов, патроны тоже были на исходе. Но самое страшное – не хватало питьевой воды. Вот тогда-то и пригодились хранившиеся в двенадцатиградусной прохладе во глубине бывших царских штолен нетронутые до поры драгоценные залежи игристого шампанского. А хранилось его здесь такое количество, что пей не хочу!

Дед рассказывал, как он с однополчанами спускался в полужасыпанные от постоянных бомбёжек штольни за желанной добычей – инкерманским шампанским. На каждого солдата в сутки полагалось по полторы бутылки, содержимое которых тут же сливалось во флягу. Сначала все выбирали себе полусладкие сорта. Потом поняли, что жажду лучше утолять сухим шампанским. Отчаяние порождало вспышки необузданного смеха. И если перед смертью невозможно было надыхаться, то нашутиться в эти дни солдатам удавалось сполна.

– Гусары, не трусь! – высоко поднимая флягу с шампанью, выкрикивал рябоватый однополчанин деда с аристократической фамилией Болконский. – Выпьем за Родину, выпьем за Русь!..

– За Русь!.. За победу-у-у! – вторили ему солдаты.

К этому неожиданному гусарству отношение у рядовых было неодинаковым. Большинство солдат экономило содержимое фляги, делая за приём лишь несколько глотков; были и те, кто выпивал положенную на сутки порцию больше чем наполовину с мыслью, что всё одно до вечера не дожить. Мой дед, глотая очередную порцию шампанского, всякий раз ощущал на языке взрывы пузырящегося пламени. Он давился этим шампанским, и ему казалось, что оно сейчас обязательно вытечет обратно из его ушей и ноздрей.

Всё закончилось стремительно. Фашисты вошли в пылающий Севастополь. Они загоняли остатки ослабевших от ран и от голода солдат по горло в море. Кто-то пытался уплыть далеко-далеко, к кричавшим в небе чайкам, кто-то поднимал руки вверх, кто-то опускался на дно в надежде найти там прохладу и успокоение. Дед, получивший сильную контузию, оказался среди пленных, которых отправили в Германию на работу в каменоломни. Его, осунувшегося и горбоносого, немцы сначала приняли за еврея.

– Марко юден? – спрашивали они.

– Нихт юден, – твердил им желтолицый от недоедания дедушка. – Астракхан! Монгол!

Это и спасло. Поверили. И кличка «Монгол» приклеилась к нему. Писем от деда не было, и с 1943 года марфинская родня причислила его к пропавшим без вести. Когда в 1946 году Сергей Николаевич Марков неожиданно для всех сельчан вернулся домой уже после освобождения из плена и работ в качестве бывшего военнопленного по восстановлению хозяйства в Польше, моя бабушка осела на пол и долго не могла произнести ни слова, только плакала. Через все перипетии войны дед пронёс жестяную коробочку из-под граммофонных иголок, в которой хранил графический портрет своей матери – моей прабабки Александры. Перед самой войной этот портрет, ещё не совсем умело, нарисовал мой десятилетний отец. При обысках изымалось всё до последнего. Но этот портрет дедушкиной «муттер» фрицы не тронули.

А тема шампанского развивалась далее следующим образом. Дед после войны к нему вовсе не прикасался. Коньячок, водочка – это другое дело. Но после долгой неизлечимой болезни, когда Сергей Николаевич уже не поднимался с кровати, ничего не мог есть и каждый глоток воды с ложечки воспринимал как пытку, он вдруг неожиданно попросил сестру моего отца – свою младшую дочь Татьяну, вместе с которой проживал в городской двухкомнатной хрущёвке, поднести ему бокал шампанского. Был одиннадцатый час ветреной майской ночи 1982 года. В это время в Стране Советов уже не работал ни один продуктовый магазин, тем более что в этих магазинах так запросто было не купить дефицитное по тем временам шампанское. Моя тётя Таня бросилась искать шампанское для деда по соседям, и вот на пятом этаже ей неожиданно предложили – нет, не дорогое инкерманское «шипучее золото», но вполне приличное полусухое, с пузырьками воздуха вино. Чуть приподняв лежачего деда и взбив под ним подушки, тётя вставила в его ослабевшую руку долгожданный бокал. Держа его подрагивающей рукой, дедушка некоторое время пристально всматривался в темноту межкомнатного пространства, а затем произнёс что-то полушёпотом и сделал первые глубокие жадные глотки.

Что видел он в эти мгновения?.. Что чувствовал?.. Может быть, перед его уже покрывшимся смертной поволокой взором проносились участники прежних грандиозных вселенских битв?.. Выплывали из клубов тумана, держа под уздцы своих гнедых, пропылённые степными вёрстами конармейцы; улыбаясь, негромко переговариваясь друг с другом, поглядывали в сторону деда brave гусары кавалерийского императорского полка; привычно восседали на донских скакунах, приглаживая выбивающиеся из-под шапок непокорные чубы кареглазые казаки...

Сейчас, спустя многие годы, я нисколько не сомневаюсь, что точно знаю, какое слово тогда сказал полушёпотом мой дед. «За победу!» – вот что он сказал. Всем им сказал и себе тоже.

Выпив шампанское до дна, дед Сергей резко откинулся на подушки (моя тётя при этом едва успела перехватить пустой бокал из обмякшей руки), закрыл глаза. А через несколько минут его душа оставила тело и уже навечно присоединилась к солдатам бессмертного небесного полка.

Вадим Матвеев

Детство

Жизнь начинается и течёт, словно внезапно вспыхивает и светит когда ярким, когда тусклым светом лампочка. Только что была тьма, и вот ты уже выхватываешь из непроглядной ночи какие-то фрагменты жизни.

Странно, но с годами процесс начинает идти в обратную сторону, забирая во тьму то, что ещё вчера было осязаемым, руку протяни, событием.

Никакие усилия не спасают поглощения темнотой твоей жизни.

И только яркие первые воспоминания детства, словно свет той внезапно вспыхнувшей лампочки, временами возвращаются к тебе, словно не хотят выпускать из своих объятий.

* * *

Детство на первый взгляд не отягощено заботами. Так думают взрослые, недоумевая, отчего это их чадо старается подольше задержаться в кровати, вместо того чтобы радоваться каждому новому дню?

Но ведь это не так. Ты постоянно что-то должен. Встать. Идти умываться и чистить зубы. Есть кашу. Быстро собираться, поскольку все всегда куда-то опаздывают. Утро – это самое ужасное время дня. И в детстве, и в юности, и в любом другом возрасте.

Хорошо помню, как по утрам усердно сворачивал одеяло кольцом, представляя его уютным гнездом, домиком, в котором бы ты мог лежать и лежать калачиком, совершенно не желая выходить в этот счастливый мир. Ребёнку нужна крепость от утреннего вторжения.

Бывало, проснёшься раньше времени и ждёшь, что вот сейчас за тобой придут. 1937 год. Ждёшь и боишься. Какой же радостью оказывалось, что сегодня воскресенье и все экзекуции откладываются до времени.

Потом наступали будни, и от тебя уже требовали иного: вставай, умывайся, чисть зубы, завтракай, одевайся, мы спешим.

И вот ты уже летишь вместе с опаздывающими взрослыми на автобусную остановку, садишься в подошедший служебный транспорт, водитель которого разрешает забираться за ограничительный поручень, которым фиксируется одна из половинок передней двери.

И так каждое утро. Ты приезжаешь в детский сад, о котором, кроме волшебного супа с сухариками и свежим луком, состриженным с самодельной клумбы на подоконнике, ничего хорошего и не вспоминается.

Все потому, что тебе приходилось постоянно в виде наказания сидеть рядом с воспитательницей, не желавшей нести ответственность за буйных малышей. Так мы и сидели перед всей группой втроём: она, я и ещё один соучастник, на котором, как и на мне, было поставлено клеймо хулигана.

Кстати, вторая часть «марлезонского балета» продолжалась уже в начальной школе. Тебя официально заставили завести второй дневник, в котором по итогам дня учительница выставляла оценку за поведение, на основе которой дома выносили приговор. Естественно, не в твою пользу.

Но кто был виноват? Тебя научили читать до школы. Помимо этого отдали в нулевой класс, где умения закрепили, а потом уже бросили в класс первый, где, как оказалось, читать умели несколько человек.

И вот, пока твои одноклассники ломали язык о слоги, ты пытался беседовать с ними о своём, о наболевшем.

А как итог – дневник по поведению с извечными записями: «вертелся, разговаривал, смеялся». Могли бы просто залить гипсом и спокойно вести уроки, не отвлекаясь на непоседливого ученика.

Хорошо, что на земле бывают выходные дни. Дни, когда ты можешь с самого утра взвалить свой импровизированный рюкзак, в котором вместе с бутафорской едой (пластмассовая щука, баран и др.) хранились гранаты (оказавшиеся на деле роторами электродвигателей со свалки), взять в руки автомат и уйти в огород, где до обеда воевать с врагами.

* * *

В детстве смерти нет. Есть страх непонятного, чего-то необъяснимого, наподобие лягушки с открытой пастью посреди тропинки к дому. И пусть она огромна, как кошка. Но она ведь лягушка, хоть и страшная. Лежит себе посреди дороги и думает о чём-то там своём.

Но если ты ребёнок и чего-то боишься, то непременно должен этот страх побороть. То есть просто-напросто убить. Вот и убиваешь лягушку засохшими комьями грязи, насыпав над несчастной заупокойный курган. В лучших традициях степи.

А чего стоят «ковровые бомбардировки» муравьиных нор? В нашем жарком климате муравьи не строят муравейников наподобие тех, что показывают в фильмах о средней полосе России. Этаким холм, на который дяденька положил ноги и лечит ревматизм. Астраханские муравьи зарываются в норы, как бойцы Вьетконга. Точнее, наоборот. Вьетнамцы, вероятно, жили с природой в гармонии, если смогли приспособить норы в военных целях. Но с детьми этот номер не пройдёт.

Ты просто наматываешь целлофановый кулёк на палку, наподобие факела, поджигашь, и огненный дождь обрушивается с неба на ни в чём не повинных муравьёв...

Если учесть постоянно ветреную погоду в Астраханской области и посёлки, сплошь заросшие сухой травой и камышом до неба, становится страшно, как это всё не превратилось в выжженное поле. Хотя, может быть, кое-где и превратилось. Наш старый дом сгорел от пожара.

Едва ли подобное сравнится с шалостями городских улиц. Это на душных улицах города на трубах с горячей водой рядами гибли головастики. Механизация убийства. Использование достижений народного хозяйства в целях массового уничтожения окружающей среды.

Но и животный мир мстил, как умел. Одна история с индюком чего стоит.

Когда ломался автобус или взрослые бессовестно просыпали подъём, приходилось топтать на троллейбусную остановку возле тепловозоремонтного завода.

Дорога шла вдоль берега реки Царев. Идти далековато. Но, наверное, в селе не было детского сада, а если и был, то, вероятно, не рассматривался в качестве возможного варианта. Или же в нём попросту не было мест. Вот и приходилось временами шагать вдоль берега реки в мой горячо нелюбимый детский сад в районе то ли Больших Исад, то ли на улице Яблочкова, возле школы № 4.

В один из таких дней тебя наряжают в новый, совсем недавно купленный, костюмчик. Мамы во все времена любят, когда их чадо выглядит эффектно.

Ты шагаешь, довольный собой и обновкой. Ну, как «шагаешь»? Только что не летаешь над землёй. Короче, бежишь, успевая облазить все закоулки и кучи мусора на своём пути. Почти как собачка на прогулке.

Детский возраст прекрасен тем, что не знает смерти. Да и бояться опасности ребёнок начинает в самый последний момент. Даже если тебя ведут к зубному врачу, ты – бежишь. Когда ещё ты увидишь стоматолога? Пока же можно скакать и отыскивать на свалке клады.

Сзади идёт отец. Кто его знает, что он там себе думает. Человек идёт на работу.

И вот тут-то на тебя вылетает неведомое чудовище с огромной красной соплей вместо носа. От ужаса ты останавливаешься как вкопанный, нарушая все законы физики.

После остановки моментально срабатывает задний ход, а тело оглашает окрестности воем sireны. Ослепнув от паники, ты бежишь подальше от этого чудовища и, естественно, падаешь плашмя туда, куда падать не стоило. Для падения ты выбрал кострище, давно прогоревшее, давно остывшее, забытое всеми, но удачно подвернувшееся для обновления гардероба. С рёвом рухнул на угли.

Отогнанная птица, размазанная по заплаканному лицу сажа, испачканный костюмчик, опоздание на троллейбус со всеми вытекающими последствиями – вот тот небольшой перечень неудобств, произошедших после встречи с индюком. Встречи с чудовищем, защищавшим свою территорию. Вот так играючи природа обнимает тебя, говоря, что её законы неумолимы и не делают скидок на твой возраст и красоту.

Кстати, любой из нас на всю жизнь остаётся таким же бегущим по берегу реки ребёнком, которому вот-вот выбежит навстречу разъярённый индюк. И только от вас зависит, упадёте ли вы в прогоревший костёр или пойдёте дальше, перешагнув через очередное препятствие на пути.

Но и это не всё.

Есть ведь ещё улица. А на улице – детишки. И если ты думаешь, что там тебя любят, – зря. Тебя могут любить на твоей улице, а на соседней – уже нет. Там ты хуже незваного гостя.

И не потому, что ты русский, а они – татары или казахи. В то время это ещё не работало. Просто ты чужой. Да и какой из тебя русский, когда сам больше напоминаешь индейца цветом кожи и миндалевидными глазами. Да и подруга твоя – татарка. А влюблён ты (почти перво-кляшка) в шестиклассницу Рузалину.

Но всё равно, встречаясь на нейтральной территории с Камилем, вы обязательно начинаете швырять друг в друга камни. И, повторюсь, не оттого, что вы не сошлись в обсуждении личности Мухаммеда и Иисуса. Тем более что рядом с тобой Гульнара, а значит, её Аллах – за тебя. Просто ты не нравишься Камилю. И его правда правдивее, потому что его камень разбивает твою губу пополам.

Больно?

Конечно!

Обидно?

Ещё как!

Рыдаешь?

Само собой!

Но рядом Гульнара, и она говорит, что, как бы там ни было, ты кидаешь камни лучше всех. И от этого жить становится чуточку легче.

Жаль, что ты влюблён в Рузалину...

Да и отомстил ты потом. Ну, не Камилю, а Радику. Проткнул ему ногу самодельным копьём из гвоздя двухсотки, хоть Радик и твой друг. Знай наших. Месть слепа и безрассудна.

Конечно, я шучу. И копьё было воткнуто в ногу Радику случайно. Баловались с оружием уже тогда. Изображали из себя аборигенов.

Потом кололи такими копьёрами раков на мелководье. Увидишь, что тростинка шевельнулась, тут же втыкай своё оружие. Нет-нет да и проткнёшь наудачу панцирь рака.

По одному раку на брата, и уже какой-никакой пикник. Лишь бы в кармане были спички и соль. А иначе будет невкусно.

Но это было позднее. Чуть-чуть позднее.

* * *

И почему это родители любят припоминать за всякими застольями события из твоего детства? Вот чтобы в подробностях и при всех... А ребёнку сорок шесть и пора быть серьёзным, потому как, улыбайся – не улыбайся, это будет выглядеть нелепо.

Но нет. И в который раз ты слышишь, что как-то вечером в автобусе, увидев сдобную булочку в чужой сумке, ты, картинно закатывая глаза, сдавленным шёпотом, который слышат все стоящие рядом, произносишь что-то наподобие:

– Сейчас бы булочки поесть...

И сердобольная женщина, может быть, купившая сдобу для таких же, как ты сам, но видя, что дитё измороено голодом после утомительного рабочего дня в детском саду, отламывает тебе вожделенную булочку.

И, казалось бы, всё. План удался. Так нет же.

Собственные родители начинают совестить тебя, что ты ж не голодный. Только что полдничал в садике. И это вместо того, чтобы порадоваться за сообразительного ребёнка и забрать у женщины остаток булки впрок. На дорожку.

Человек обязан думать о будущем.

Вот если завтра, например, война? Если завтра – в поход? Если чёрные силы, а ты уже сыт и готов широкими шагами идти в тыл, в школу генералов-аналитиков!

Но нет... Тебе ещё припомнят бензин, который ты слил из закрытой душевой кабинки, находящейся на огороде, неподалёку от дома. Из завинченной крышкой двухсотлитровой бочки.

Так что же вы думаете? Если обезьяна может открыть прутиком вертушку, этого не сможет сделать шестилетний человек? Открыть душ, залезть на бочку, вывинтить крышку, сунуть в горловину шланг и, подражая отцу, втянуть в себя вонючую жижу? Заправить бензином кузов своего деревянного «БелАЗа»? Может! Причём легко.

И вновь вместо похвалы за находчивость и сообразительность своего ребёнка начинают гонять прутиком, который делает из обезьяны человека, а из тебя – жертву родительского террора.

И они же потом удивляются, что после такого к себе отношения ты допиваешь из рюмок водку, запиваешь её пивом и заедаешь солёными огурцами на родительских застольях. Все по инструкции. Да тут кто хочешь сопьётся от такой жизни.

И главное, что брату никто не припоминает, как он, забравшись в сарай и вооружившись молотком с гвоздями, наколотил их в деревянные дорожки, по которым шёл дед и произносил великие русские слова, звучавшие в интерпретации четырёхлетка как «итимать». Хотя, если я об этом знаю, значит, припоминали. Но редко, слишком редко. Ледоколу достаётся всё самое сложное.

А тебя уже сдают в школу, где ты не только утрачиваешь гениальность, а просто теряешь интерес к жизни.

И ведь нужно-то было купить одну лишнюю сдобную булку вместо надоевшего шоколада и конфет.

* * *

Если вы живете рядом с рекой, рано или поздно к вам придёт наводнение. Чего только стоили наводнения в Астраханской губернии XIX века! Волга творила что хотела: никаких плотин, никаких водохранилищ и энергетиков тогда ещё не было.

Многие бедствия претерпели прибрежные строения Астрахани и других населённых пунктов. Страдали и люди, проживавшие неподалёку от рек в то давнее время. Лишь в XX веке, в 1913 году, в Астрахани впервые появилась должность гидротехника, отвечавшего за обустройство защитных валов от паводковых вод.

Но всё равно стихия оставалась стихией, невзирая на то что теперь ей противостоял гидротехник. Вода не смотрит на должности и чины. Берёт своё. Когда ей заблагорассудится.

Кто-то скажет, что нынче в такое слабо верится. Воды в Астрахани не хватает. Рыба гибнет. Особенно много её погибло в засушливое лето 2019 года. Волга на всём своём протяжении обмелела настолько, что обнажилось дно (как это было возле Казани). Не избежала этой участи и Астраханская область.

А ведь наводнения случались и ранее. Тяжёлая техника работала и днём, и ночью, возводя укрепления вдоль береговой линии населённых пунктов.

В 1979 году было одно из самых печально знаменитых на моём веку наводнений в Астраханской области. В тот год даже река Царев настолько вышла из берегов, что подобралась к нашему огороду. А уж дом-то отстоял от реки метров на триста, если не больше. Спасло от губельного подтопления то, что жили мы на небольшом бугре.

Тем не менее у нас полностью сняли забор, фронтально смотревший на реку. Насыпали высокий вал из глины.

И только для тебя и таких же, как ты, мальчишек всё казалось забавой: вместо прогулок по улице смотреть, как привозят глину КраЗы и МАЗы, как бульдозеры и грейдеры расталкивают её вдоль линии вала. Вытаращив глаза глядеть на горбатые скреперы.

И всё это рычит, гремит, задыхается в адской жаре. Соляркой пахло, как могло пахнуть на нефтебазе или в угаре крупного танкового сражения.

А сколько раз мы получали от взрослых подзатыльники за ротозейство – и не сосчитаешь. Проще простого было угодить под колёса и гусеницы тяжёлой техники.

В то же самое время и отец где-то спасал область от разгулявшейся стихии. Работал на экскаваторе. Грузил глину в самосвалы. Смены затягивались далеко за полночь.

Детская память мозаична. Хорошо помнится забор. Собачья будка с нашим Дружком, которого пришлось переселить с заднего двора ближе к дому. Соседи с заплаканными глазами. Их-то огороды ушли под воду.

А на пути к реке, в ложбине старого русла, стояла одинокая ива. Так вот она так сиротливо торчала из воды, что это навсегда осталось в твоей памяти.

Ведь это дерево было для нас убежищем, где мы умудрялись даже разводить костёр в тёмное время суток или осенью. Настрадалось, одним словом. Непросто исполнять роль штаба, когда детишки балуются со спичками.

Что было потом – не помню. Наверное, наводнение кончилось. Забор восстановили. А через год мы и вовсе перебрались в город, где наводнения случались лишь из-за обильных дождей. Да и то на локальных участках.

* * *

В твоём (то есть в моём) детстве ребёнок, уходя на улицу погулять, практически уходил на фронт. Мог задавить КамАЗ, когда ты летел на тачке с шарикоподшипниками вместо колёс с асфальтированного уклона кирпичного завода; ты мог утонуть в солёном озере карьера, прыгая в воду вместе с велосипедом; погибнуть на заброшенной карьерной узкоколейке, разогнав с пацанами вагонетку, запрыгнув на неё и не успев спрыгнуть, когда она, набрав скорость, улетала под откос; быть задавленным в глиняных лабиринтах пещер, выкопанных в отвесной стене того же самого карьера.

И это не говоря о бутылках шампанского, заправленных карбидом, кровельном шифере в костре, лопавшемся от нагрева и разлетавшемся плоскими осколками в разные стороны, скитаниях по огромным свалкам в поисках «золота инков».

Мы были худые, сгоревшие на солнце, с цыпками на ногах от постоянного лазания в грязных лужах, водогонах и реках.

Ели от силы два раза в день: утром и вечером. Чаще когда попадали под домашний арест. В основном питались ворованными фруктами, рыбой и ракушками, арбузами и яблоками со свинофермы.

Бактерии и микробы в то время ещё не существовали. Дезинфекция добычи проводилась в ближайшем водогоне или луже. Пили из многочисленных колонок или в госучреждениях. Зайти домой попить означало плен.

У тебя в кармане всегда были спички. Лучше всего – увеличительное стекло. Перочинный нож, гвоздь 200 мм, чтобы сделать гарпун для накалывания раков, которых потом можно сварить в любой подходящей по размеру консервной банке, кои и тогда в бесчисленном количестве валялись по берегам рек. Можно было таскать с собой леску с крючком и поплавком. Найти удилице не проблема. Толстая камышина или отломанная ветка, пойманная для наживки муха или кузнечик, и ты не останешься голодным. Рыбы в те времена было гораздо больше, чем теперь.

Главное было – не распороть ногу о стекло или ракушку. Вот тогда начинались проблемы. Подорожник хорош, если тебе никуда не нужно идти. А порезы случались, как правило, в самый неподходящий момент, когда солнце садилось и нужно было пройти пару километров до села.

Вспоминая тогдашние улицы, где мы и проводили в основном летние каникулы, невольно подмечаешь, насколько американцы угадали в киноленте «Роман с камнем» наше отношение к своему жилью, хоть и были те кадры сняты про мексиканцев. Попадая сегодня в какое-нибудь отдалённое село, словно возвращаешься на тридцать пять лет назад. Разбитые дороги, замусоренные улицы и берега рек. Всё как в кинокартине об охотниках за изумрудом. Разруха и упадок. Но стоит зайти во двор, всё встаёт с головы на ноги. Ухоженные грядки, цветы, овощи. Тропинки, выложенные плиткой или камнем. Вся цивилизация – внутри. За забором – ничейная земля.

* * *

Наступает день, когда ежедневные походы с военным рюкзаком за плечами и автоматом в руках надоедают маме. К тому же у тебя серьёзный возраст. Скоро семь. Надо становиться умнее. А тут чуть ли не ежедневные рыбалки и шатания на улице.

Чёрный от загара. На ногах цыпки от ежедневного лазания в воде. И как ни отмывай анчутку в бане, он всё равно в лес смотрит.

Именно по этой причине мама, недолго думая, принимает решение, что ты обязательно должен стать умнее всех. Красивее всех стал, станешь и умнее. Вот те прописи, вот те букварь. Давай!

И вот уже мама моет раму. Всё как надо. Некоторое время спустя ты уже читаешь по слогам. Вот уже и слоги проплывают мимо. Текст почти отскакивает от зубов.

Но случаются катастрофы. Без катастроф нельзя.

Ой, собачья моя.

Так было прочтено тобой одно предложение в грустной повести «Каштанка». Кажется, что тут такого? Ой, собачка моя. Все понятно написано. По-русски. Но на дороге к знаниям образовалась пробка...

Контролирующий орган указал на недопустимость вольностей при прочтении чеховского текста. То есть уже в 78-м году прошлого столетия в астраханских сёлах люди понимали, что Чехов – это Чехов. Всё было очень серьёзно.

Несмотря на указивку, фраза не шла. Будь ты проклята, собачья моя!

Кстати, это словосочетание имело длительное хождение в родственных кругах.

Случались подобные катастрофы и с детскими стихами советских поэтов.

Увешана штанга стальными кругами.

Стальные круги называют блинами.

Детская логика сломалась на первом слове. Ну нельзя понять, кто такой Вешан и почему предложение построено в идиотской форме, без глагола. Ну и что, что у Вешана штанга стальными кругами?

До слёз.

Горьких.

Беспомощных.

Полнейшая катастрофа.

И чем дальше человек соприкасается с образованием, тем чаще и горше повторяются эти катастрофы.

Во-первых, пришлось целый год ходить в нулевой класс. Там не ставили оценок. Там была атмосфера полнейшего благоприятствования. За это время тебя научили читать ещё лучше, так что никаких проблем с этой дисциплиной, ставшей для многих просто Гималаями трудностей, у тебя не существовало. К тому же учительница была добрая-предобрая и годилась тебе в бабушки. Тут-то и была ловушка. Казалось, что вся школа будет вот такой безобидной.

Первый класс разрушил стереотипы.

Как ни странно, но тебя и в школе никто не собирался любить. Как и на улице. За редким исключением. И это опять же не потому, что вас, русских, в классе человек пять. Нет.

Будучи подготовишкой, ты не попадал под тяжёлый пресс школьной иерархии. Ты был просто туристом в этом храме образования. Став первоклассником, ты попал под ревнивый, с оттенками махровой дедовщины взгляд второклассников. Конечно, шестиклассница Рузалина могла оказать тебе протекцию, но это же ненадолго. У неё ведь тоже была личная жизнь.

Во-вторых, ты попадал под пресс дисциплины. То, что казалось в нулевом классе игрой (ходьба парами за руки и т. д.), не шло ни в какое сравнение со школьными требованиями на уроках в первом классе.

Никого не интересовало, что ты умеешь бегло читать. И пусть большинство в классе еле-еле осваивает одну тоненькую книгу, а ты за это время прочёл стопку тоненьких книг, будь добр делать то же, что делают и остальные!

Но тебе скучно. Ты опираешься спиной о стенку и с полуоборота, с грустью и тоской смотришь в класс.

Жёлтая карточка!

Начинаешь приставать к соседке.

Жёлтая карточка!

Смотришь в окно, на волю, где ездят автомобили.

Жёлтая карточка!

По итогам начального этапа обучения в первом классе у тебя появляется дневник поведения. Учитель на каждом уроке оценивает твою способность отсидеть сорок пять минут без движения.

Видя бесперспективность оценивания, тебя начинают ссылать с одной парты на другую. Отдают на воспитание женщинам. Надолго ты не задерживаешься ни с одной, потому что им скучно разглядывать твою спину.

В иные дни ты и вовсе оказываешься за учительским столом. Рядом. За стульчиком и твоим персональным столиком. Правда, сока и булочек не дают. Хотя и похоже, будто пришёл в кафе. Смотришь в класс прямо. Соседка – учитель. На столе – дневник по поведению. Каторга! Апофеозом, финальной частью трагедии, становится первая тройка...

Ты понимаешь, что жизнь кончена и нужно бежать из дома, потому что за подобную отметку тебя могут не просто выпороть, а сварить живьём в банном котле.

План побега обсуждается с Гульнаррой. Она тебе сочувствует.

Жаль, что ты влюблён в Рузалину.

* * *

– Толкни!

Товарищ послушно исполняет просьбу. Тележка набирает скорость по асфальтированному спуску одного из многочисленных кирпичных заводиков, построенных в небольших посёлках огромной страны и сметённых позднее ветром демократических перемен.

Стальные подшипники, выполняющие на транспортном средстве под названием тачка, или тележка, как её обзывали мальчишки в разных уголках большой страны, роль колёс, высекают искры. Всё быстрее и быстрее летит навстречу асфальтовое полотно. А пока по склону дороги кирпичного заводика тебе навстречу поднимается КамАЗ, лёгким поворотом рук тележка меняет направление движения и летит под откос с высоты четырёх-пяти метров в мягкую прохладную глину. Приземляться, как и в случае с велосипедом, тоже лучше в стороне от тачки, чтобы не упасть на её деревянную раму. Будет больно. Очень больно. Но другого пути нет. У наших детских забав тормозов не было.

Каникулы – изумительный повод провести время в селе у бабушки.

Ты прекрасно помнишь посёлки Астраханской области конца восьмидесятых. Разбитая колея дорог. Тропинки, застывшие причудливыми волнами глины, превращающиеся после небольшого дождя в чавкающее скользкое месиво из грязи и воды. В солнечные дни местами земля искрится от проступившей навверх соли. Кстати, лужи с солёной водой имеют красноватый оттенок. Тяжёлый багровый цвет. Лебеда, паслён и конопля густо поросли вдоль заборов. Стены камыша тут и там. Огромные лужи застоявшейся дождевой воды – рай для земноводных и детворы.

На центральной площади посёлка сквозь асфальт бодро пробивается верблюжья колючка. Это удивительное палочкообразное растение цветёт маленькими розовыми цветочками. Такая сдержанная пустынная красота. Это не мешает ей роиться и вдоль полотна основной магистрали, пересекающей посёлок, словно река, пополам, и в полях. Тут же вездесущая лебеда и препротивнейший *xanthium spinosum* L. По-русски – дурнишник колючий, или золотая колючка. Золотая, вероятнее всего, из-за цвета своих острейших игл. Сколько же ног пронзено ими!

Удивительно, но даже после гибели острейшие шипы дурнишника, строенные или по пять в сборке, словно «иванов чеснок», продолжали подстергать свою жертву. Даже не представляю, как наши далёкие предки обходились без толстых подошв. Жуть какая-то.

В Астраханской области просто изобилие колючек, стремящихся прицепиться к кому-нибудь. Словно гопники в подворотне или бдительный милиционер. Но у колючек своя цель – продолжение рода. Дурнишник обыкновенный, солодка щетинистая и пр. Хочешь жить – умей цепляться!

В жаркий день автомобильная дорога, по обеим сторонам которой, словно по берегам реки, ютится село, превращается в липкую чёрную змею. Её вряд ли можно перейти без добротных ботинок. Сланцы, шлёпанцы и сандалии навечно впечатываются в полотно дороги.

Если ты не перешёл на ту сторону дороги утром, то ближе к обеду переходить её не стоит. Останешься без обуви. Хорошо, что бабушкин дом стоит на той стороне, где и течёт река. Можно утром сорваться на рыбалку на лодке. Или с берега. Или уйти купаться, прихватив автомобильную камеру. Если у тебя нет автомобильной камеры – ты неудачник. Лучше всего камера от КамАЗа или ЗиЛа. Скатываешься по течению и просто наслаждаешься речной прохладой.

Или можно пойти за чужими фруктами. Свобода. Пока не поймают.

Для того чтобы добыть фруктов, не нужно перелезть через забор. Все, что тебе надо, – длинная камышина. Один конец её расщепляешь, просто наступив на него. Получается как раздвижной новогодний фонарик. Раздвигаешь получившиеся ребра в виде лодочки, а посредине вставляешь поперечную палочку. Захватываешь лодочкой сливу, тянешь на себя, чтобы поперечная палочка выскочила, и все. Камыш плотно охватывает добычу своими рёбрами. Бери и ешь.

Бегали мы и на свиноферму, куда частенько привозили арбузы, яблоки, все то, что пропало или не соответствовало товарному ГОСТу. Но мы не гордые. Выбирали арбузы покрупнее и улепётывали с добычей, пока работницы не увидели.

Кто посмелее, устраивали заезды на спине какой-нибудь крупной свинки. Только частенько такая коррида заканчивалась падением в вонючую жижу.

Но и это не пугало. Повсюду было полно крупных водогонов для полива многочисленных колхозных полей. Ну и что, что там водятся лягушки и змеи. В них и рыба была. Особенно много краснопёрки. Там можно было и от грязи отмыться. А на таком солнце обсохнуть было несложно. Пятнадцать минут, и можно снова лезть в воду.

Практиковались и групповые поездки на мусорный полигон. Целая кавалькада велосипедов устремлялась в сторону Фунтово. На свалке можно было найти нужные и полезные вещи для украшения твоего железного коня. Стальную проволоку для антенн, обрезки с меховой фабрики на рули, вилку и раму. Разноцветные провода, чтобы обмотать ими спицы колёс. Не велосипед получался, а прям-таки восьмое чудо света, на котором не стыдно показаться в обществе.

Потом на этих же велосипедах отправлялись в глиняный карьер, на солёное озеро. Некоторые умудрялись разогнаться с длинного трамплина и прямо на велосипеде прыгать в воду. Главное – вовремя слететь с седла, а то можно было отбить всё что угодно, вплоть до желания ездить на этом самом велосипеде. После прыжка специально приготовленной верёвкой со стальным крюком толпой вытаскивали утопленный байк – потому что цены ему не было.

Кстати, без конфет на это озеро лучше было не приезжать. Вода была настолько горькой, что глотку просто разъедало. Слупал конфету – хорошо. А иначе смерть от жажды и тошноты.

Как образовалось солёное озеро – не знаю. Скорее всего, выкопали котлован, а вода изпод земли его и заполнила. Причём самое интересное, что в нём водились окуни. Их можно было разглядеть и с берега, и под водой. Если открыть глаза. А глаза открывали, не боясь, что соль разъест их. Любопытство брало верх.

На вершине глиняного карьера были рельсы узкоколейной железнодорожной ветки. В то время на ней ещё громоздились маленькие тепловозики, потому что их не смогли столкнуть с колеи, как это сделали с вагонетками, которые валялись у подножия глиняного холма.

Тут же, в карьере, в отвесных глиняных толщах были выкопаны многометровые норы, в которых можно было передвигаться только на четвереньках. Трудолюбивые дети выкапывали их не один год. Об опасности быть заживо погребённым под рухнувшими сводами глиняных

штолен никто, наверное, не думал. Даже не припоминается таких случаев. Видимо, мы были везучими.

* * *

Можно до бесконечности сжимать время. Но сжимать нужно нежно, опасливо поглядывая по сторонам. Сколько было тех, кто проделывал это без опаски, ничего не боясь. Наоборот. Бесстрашно кидался в омут и навсегда оставался в прошлом.

Может быть, поэтому ты всегда с опасливым любопытством относился ко всякого рода биографическим телепередачам, понимая, что на твоих глазах человек творит свою собственную мифологию, не осмеливаясь выносить сор из избы, поверяя зрителям лишь удобную для себя часть прошлого. К тому же приправленного изрядной долей неправды.

С биографическими книгами – сложнее. Во-первых, любое чтение предполагает труд. Труд, к которому надо приучать. Когда любовью, а когда и кнутом, поскольку цивилизация, всё прочнее проникающая в нашу жизнь, развращает неокрепшие умы кажущейся лёгкостью жизни. Так вот, чтение, как и любой труд, нужно уважать, вне зависимости от того, какую книгу ты читаешь.

Во-вторых, сакраментальная фраза «а вот мы в вашем возрасте», заставлявшая в наше время корчить гримасу сомнения внутри себя (потому что за проявление неуважения к старшим в наше время, уж простите, можно было «выхватить леща»), на новые поколения не оказывает никакого иного воздействия, кроме отрицания.

Нашего прошлого нет. Они ничего об этом не знают. Да и твоим рассказам доверия нет, потому что все твои страдания – это твоё личное дело.

Интернет пестрит молодыми и успешными, возведёнными в ранг звёзд ещё до рождения. Даже запись дворянских младенцев в гвардейские полки во времена императрицы Екатерины II не производит такого впечатления, как состоявшийся четырнадцати-шестнадцатилетний молодой человек.

Как говорили в одном советском кинофильме, естественно, снятом по сценарию, написанному советским автором, динозавры вымерли, потому что никуда не спешили. Вот и нас воспринимают не иначе как никуда не спешащих динозавров. Травоядных, потому что зубы мы тоже потеряли.

И, глядя на новый мир, понимаешь, что твоя доисторическая сказка о детстве, написанная менторским тоном, будет выглядеть комично.

Вот и остаётся писать смешно, подтрунивая над собой и над временем, не позволяя подобного в отношении своих родственников. Это со сверстниками можно обращаться как угодно. Потому что они тебя простят.

Лариса Дегтярёва

Маленькие радости

Памяти Антонины Дигурко

В большом дедовском доме для неё всегда были маленькие радости. Кусочки сахара на старческой грязной ладони. Всегда. Пять или семь? Тогда она ещё не умела считать. Да, примерно так. Кусочков пять-семь. Стоило только подбежать к дедовскому дому и крикнуть: «Дед!». И мгновенно появлялась ладонь, на которой лежал сахар.

Кроме этой ладони, ничего в деде она больше не запомнила.

Он любил её. Тося поняла это потом, когда выросла.

Похоронили его к бабушке и к папе. Ни бабушку, ни папу Тося не помнила. Помнила только огромный деревянный крест. Резной, с тонкими ветками, ольховыми листьями, с дырочками и ямочками. Тося догадалась позже, что тот крест сделал её дедушка по маме, плотник от Бога, зрячий тогда ещё. После войны крест исчез. Его пустили на дрова. Все кладбищенские кресты сожгли в войну. Могила потерялась. После войны Тося выходила в центр кладбища, крестилась на северо-восток, на то место, где потерялась могила, кланялась, шептала: «Царствие небесное рабу Божьему Антону, рабу Божьему Платону, рабе Божией Клавдии».

Война принесла маленькие радости. В их дом приехало много-много детей. Все внуки собрались у бабани переждать войну. Сколько их было всех вместе? Четверо дяди-Ваниных, четверо тёти-Галиных, сама Тося... А ещё Маша и Жора, которым Тося вообще-то приходилась племянницей, но которых она была совсем немного младше.

Есть было нечего, спать приходилось на полу, мама была очень далеко, постоянно плакали и мешались четверо самых маленьких: дяди-Ванины двойняшки и тети-Галины двойняшки... Но всё равно было очень весело.

Правда, потом дети стали уходить.

Сначала не стало одного из тёти-Галиных двойняшек, Серёжи. Говорят, тётя Галя, когда поняла, что молока у неё на двоих не хватает, подошла к иконе и попросила у неё, чтобы забрали кого-нибудь из самых маленьких, чтобы хоть второй выжил. Тося в это не верила, не хотела верить. Но, как бы то ни было, Серёжи не стало.

Потом забрали Таечку, одну из дяди-Ваниных двойняшек. Пришли незнакомые, нездешние, очень нарядно одетые мужчина и женщина, сказали бабани: «Тяжело вам, наверное, с таким огромным количеством детей. Кормить, наверное, нечем. Одевать, наверное, не во что. Присмотреть за ними, наверное, некогда...» Бабаня согласилась. «Отдайте нам одну девочку, – попросили они, – у нас ей будет хорошо, гораздо лучше, чем здесь». Бабаня согласилась. Бабаня выбрала Таечку. Может быть, потому, что Таечка была самой маленькой, а может, и потому, что у Таечки не было уже на тот момент ни мамы, ни папы. Интересно, если бы Тосина мама погибла на фронте, отдали бы Тосю?

Через какое-то время Таечку вернули. Принесли её на руках, переложили на руки бабани. Она, казалось, спала. «Всё равно она у вас жить не будет», – попрощались мужчина и женщина. Таечка поспала ещё несколько дней и умерла. Почему? Может, они перекормили её? Может, простудили? Скорее всего, залюбили, ведь Таечка была очень красивой девочкой. Такой красивой, как маленькая куколка.

Потом трёх оставшихся в живых дяди-Ваниных детей отдали в детдом. «Там еды больше, – бесстрастно сказала бабаня, – и нам тут больше останется». Но ночью сильно пла-

кала, очень сильно. Она даже как будто выла. И весь дом заплакал вслед за ней. Даже бабушка. Интересно, понимали ли тогда бабушка с бабушкой, что никогда дяди-Ванины дети не простят их? Никогда...

Хотя, скорее всего, это было верное решение. Ведь есть было нечего. Совсем нечего было есть. До конца войны.

И ещё долго после войны – тоже...

С войны мама вернулась не одна. Она привезла с собой папку. Папка был добрым, красивым, весёлым, сильным. И, может, всё было бы хорошо, если бы Тосю не заставляли называть его «папкой». Было бы ещё лучше, если бы он не увёз их на Кавказ.

На Кавказе тоже был голод. Каждое утро мама надевала фартук с большим накладным карманом и уходила на работу в колхоз. И каждый вечер, возвратившись, вынимала из кармана большую галушку, припрятанную с обеда, который им давали в колхозе. И больше ничего... Больше нечего было есть.

Но на Кавказе были маленькие радости. Столько прекрасного! Горы, горные реки, ущелья... И прекрасное не кончалось! Змеи, улары, олеандровые бражники... И становилось всё прекраснее! Грабы, сосны, лавровишни...

Всё прекрасное закончилось с первой любовью.

Персонажи этого романа были сказочными. Николай, её первая любовь, был принцем. Он именно так себя нёс. До свадьбы. Тося была пастушкой, такой же простой, скромной, улыбчивой. Впрочем, улыбаться Тося скоро перестала.

Он сильно бил её. А когда уставал бить, выгонял на улицу. Битьё обычно начиналось часов в семь, на улице Тося обычно оказывалась часов в девять. Переждёт часок, а потом потихонечку заходит в дом, Николай спит уже. Тося тоже ложилась спать. На сундук.

Однажды что-то сдвинулось в его биоритмах. И битьё началось позже обычного, и Тося была вышвырнута на улицу уже среди ночи, и Николай никак не мог заснуть. К тому же в тот раз на улице Тося была не одна, а со своей маленькой, совсем ещё крошечной радостью, сыночком Витенькой. Ещё и так холодно было... Так что до утра они на улице не выстояли, побежали к маме с папкой.

Они уехали все. Папка, мама, сама Тося с Витенькой и появившиеся уже к тому времени у мамы с папкой маленькие двойняшки.

Чтобы Николай не нашёл их, они уехали в первую попавшуюся деревню, поселились в маленьком-маленьком домике с голубыми ставнями. Там была печь, были подпол и чердак... Одна стена на кухне была разрисована красками. Художники, жившие до них в этом доме, нарисовали русский лес – берёзы, дубы, морошку... В этом доме было так хорошо, так спокойно...

Ещё одна любовь. Этаким нагловатым, самоуверенным, лёгким... Юнацкий. Маленькие радости – сидеть с ним на лавочке в саду, петь ему: «Подари мне платок – голубой лоскуток...», видеть его восхищение... Голос у Тоси в самом деле был восхитительный.

Юнацкий. Через год эту фамилию нельзя будет произносить. Мама будет говорить: «Этот твой». Тося станет говорить: «Этот мой». Ещё позже: «Тот твой», «Тот мой». Только лет через двадцать или даже тридцать Тося смело сможет сказать: «Это было в тот год, когда мы ездили на Кривую Болду, ну там, где мы с Юнацким купались». А мама спокойно ответит: «А! Там, где Юнацкий спички намочил! Да, точно».

Что понравилось ему в Пяне? Кудри? Улыбка? Пышные формы? Что понравилось ему потом в Рае? Улыбка? Кудри? Пышные формы? Что понравилось ему потом в Маше?

Или кто там был потом у него? Никто из них не пел так красиво, как Тося.

Тося выезжала из этой деревни только однажды в жизни – к Витеньке в армию, в волшебный город Витебск, своей зеленью и холмами немного напомнивший ей Кавказ.

Витенька рос, рос и вырос в высокого и красивого парня. «Это он в Николая», – думала Тося. Добрым и милым. «Это он в меня», – думала Тося. Женился и подарил Тосе целых две маленьких радости – двух мальчишек.

Николай не нашёл их никогда. Может быть, он и не искал их. Может, и не хотел искать. Забыл о них, быть может. И ни разу в жизни больше не увидел Витеньку.

Последняя любовь пришла в пятьдесят. Она была самая неожиданная, самая головокружительная, самая скоротечная. Тося и опомниться не успела, как она прошла. Запомнилось ей, как он читал стихи Пушкина, Лермонтова, кого-то ещё, играл на баяне и плотничал. Вообще-то он был очень хорошим. По крайней мере – лучшим в её жизни. Но почему-то не сложилось... Развалилось...

И годы потекли очень быстро. И не запомнилось ничего. И ничто вроде бы не радовало. Да и не огорчало ничто вроде бы.

А потом Витеньки не стало.

Об этом нельзя думать. Об этом нельзя думать. Нельзя.

И жизни больше не было. Только невыносимая боль, нескончаемые слёзы, обрывочные воспоминания движущимися картинками: Витенька курит, Витенька смеётся, Витенька морщится от ветра, Витенька...

Об этом нельзя вспоминать. Об этом нельзя вспоминать. Нельзя.

И неприятная догадка: не уехали бы они с Кавказа, не было бы никакого инфаркта. Не бывает у тамошних жителей проблем со здоровьем.

Об этом нельзя говорить. Об этом нельзя говорить. Нельзя.

И Тося несла свою боль безропотно. Тащила её, не жалея сил. Тяжело волокла и очень долго. А потом вдруг не устояла, не удержалась, упала на пороге своего дома, ощутила, что не может пошевелиться, не может произнести ни слова. Только монотонно кричать на высокой ноте...

В больнице за туманом, клубившимся вокруг неё, Тося различила людей, правда, опознать их не смогла. Сквозь шум, сдавливающий её голову, услышала, как сноха сказала: «Я её к себе не возьму». А потом младший внук сказал: «Мне от бабы Тоси ничего не нужно». И Тося долго пыталась понять смысл его слов, а когда поняла, что внук её тоже не заберёт из больницы, ещё больше оцепенела, провалилась ещё глубже, где было ещё темнее и холоднее.

Её увезли в хоспис.

А оттуда через неделю – в морг.

Приехавшим издалека похоронить её родственникам открылась невероятная картина – Тосин дом был пуст. Не было ни стульев, ни столов, ни кроватей, ни посуды. Не было ничего... Некуда было присесть, чтобы попить чай, прилечь, чтобы отдохнуть. Не на что было поставить гроб.

А соседки рассказали: «Стол внуки продали за пятьсот рублей, ковёр – почти задаром, холодильник – сразу же, в тот же день, как Тосю в больницу увезли, новые комплекты белья – этому, как его, на Бандитском Бугре живёт... А за диван денег не получили ещё, в долг договорились. А горку на двух машинах вывозили, на красной и на белой...» И чуть тише: «Все иконы вынесли». Шёпотом: «Разве можно при живом ещё человеке иконы выносить?»

Конечно, случился скандал. За поминальным столом никто не ел, не пил, не плакал. Только кричали. О подлости, о предательстве, о воровстве... О том, как это бесчеловечно... О том, что это не по-христиански...

А у Тоси случилась её последняя маленькая радость – её похоронили рядом с Витенькой.

Мемуары. Харабали

* * *

Когда я была маленькой, добиралась я до Харабалей и выбиралась оттуда только с родителями, чаще с мамой. Исключительно поездом. Я даже и не знала, что туда ходит и водный транспорт, и автомобильный.

Почему предпочиталось именно железнодорожное сообщение? Может быть, больше устраивали расписание или цена билетов. Может, потому, что я безумно любила поезда.

Мои родители познакомились в поезде. Папа ехал с друзьями, мама – с подругами. Не знаю, как в папиной компании, а в маминой были две потенциальные невесты – сама мама и некая Светка.

Папа предпочёл маму.

Очень часто мама убеждённо заявляла:

– Ты выбрал меня, потому что у Светки была очень тяжёлая сумка.

Иногда папа с ней соглашался.

* * *

Мне – лет пять. Мы с мамой в Харабалах, в бабули-ном доме.

Назавтра нам уезжать. Меня укладывают спать на софу. Я лежу на спине, смотрю на расположенное под потолком окно между этой комнатой и кухней, из него пробивается свет и долетают голоса. Мама что-то говорит бабуле, бабуля о чём-то рассказывает маме. О чём-то очень важном. О чём не говорят при мне. Наверное, и чай пьют без меня. С вишнёвым вареньем...

Правой рукой я провожу по ковру, висящему на стене. Оленей, обитающих на нём, в полумраке почти не видно. А им, наверное, не видно меня. Им неуютно и страшно. Я поглаживаю мягкий, нежный плюш, глажу оленьи ноги, успокаиваю их, успокаиваюсь сама.

Завтра – последний день в Харабалах.

С утра пойду с бабулей в керосиновую лавку. По дороге туда бидончик для керосина буду нести я. Обрато, уже после того, как мы выйдем из крошечного глинобитного сарая, вынырнем из душного, застоявшегося запаха, вдохнём пыльный воздух с привкусом лебеды, очнёмся, бидончик с керосином понесёт бабуля. Почему? То ли бидон был уже тяжёлым, то ли бабуля боялась, что я разолью керосин...

Потом мы станем собираться в дорогу.

Из Харабалей вывозилось много.

В сарай с глубоким-преглубоким, очень опасным погребом меня, конечно, не пустят. Но я туда, разумеется, проберусь. Бабуля выставит на божий свет пару вёдер картошки, посмотрит на меня и прикрикнет: «Ах ты, поросук!». Придётся быстро-быстро убежать в дом. Совсем не через долго туда придёт бабуля, спустится в подпол за маринадами и вареньем. В подпол меня тоже не пускали. Но хотя бы можно было лежать на полу на животе, засунув голову вовнутрь, вдыхать тревожную, холодную сырость, рассматривать тонущие в печальном полумраке ступеньки, полки, банки, высматривать тайну, бороться с нестерпимым желанием спуститься... И командовать:

– Малиновое! Вишнёвое! Смородинового не надо! Не надо! А клубничного три банки!

Маринады мне казались скучными. Именно на маринадах я осознавала, что скоро уезжать, подступала тоска.

Откуда ни возьмись подался мой любимый кот Тимка и подал под мои проливные слёзы.

А вечером – в поезд. По дороге на вокзал бабуля будет причитать. И малины мы взяли мало, и картошки ещё бы могли взять, да надо было укропа нарвать, и никто не вспомнил про семечки...

Почему-то в тот наш приезд планы поменялись. Рано-рано утром, было ещё темно, меня разбудила мама:

– Просыпайся, поедem на «Ракете». Быстрее, а то опоздаем.

От улицы Комбинатской до берега Ашулука путь неблизкий. Провожающие нас хараба-линские родственники, опустив головы, ссутулившись, тащат тяжёлые сумки. Все заспанные и молчаливые. Только я радуюсь и, вырвавшись вперёд, подпрыгиваю и пританцовываю на улице Гагарина, на Безымянной улице, посреди улицы Комарова.

Мы вышли к берегу. Родственники мои влились в толпу таких же заспанных и унылых. А я осталась стоять на возвышении, на краю берегового склона. Я уже не скакала. Я стояла замерев, молча, кажется, я даже не дышала. Я стояла, задрав голову вверх. Неотрывно, пристально, до боли в глазах смотрела в небо. Вслушивалась в еле слышное небесное дыхание, пыталась поймать какой-нибудь далёкий гул. Я ждала, когда прилетит ракета.

Я влезу в скафандр, войду в ракету, ракета взлетит, и внутри ракеты взлетит всё: и я, и мама, и банки с вареньем, и авоськи с картошкой, всё станет невесомым и сказочным. Уж я налетаюсь! Я так налетаюсь!

Конечно, я не заметила, как подошёл теплоход, как в него перетекла часть толпы. Я всё стояла, глядя в небо, пока меня не дёрнули за руку. Потом меня, ничего не понимающую, оцепеневшую, приволокли на причал, обцеловали, втолкнули в теплоход...

Наверное, большего разочарования в моей жизни не было.

* * *

Мне – шесть лет.

Мой двоюродный брат Витя приводит свою невесту знакомиться с бабулей.

Невеста в тёмно-коричневом платье, на высоких каблуках. Она молчалива и стеснительна. Она не поднимает глаз и почему-то не заходит в дом. Остаётся на крыльце, садится рядом со мной на верхнюю ступеньку, смотрит в сторону, всё ещё молчит. Она заметно дрожит, ёжится, ей ужасно страшно.

Потом робко, со странной, неустоявшейся улыбкой забирает из моих рук книжку, что-то неясно говорит мне. Я её не понимаю, я её почему-то даже не слышу, я очень не люблю её. Стыдно признаться – ненавижу. И ничего не могу поделать с этим. Отбираю у неё книжку, замечаю, что она смотрит на меня с испугом и обидой, делаю вид, что читаю, угадываю в себе чувство жалости к ней, которое тотчас тает...

Потом, когда я вырасту, мне будет ужасно стыдно перед Витиной женой.

Много позже, когда Витина вдова отправит мою тётю умирать в хоспис, я осознаю, что я была очень умным, прозорливым ребёнком. И снова начну ненавидеть эту женщину. Теперь уже с чистой совестью.

* * *

Мне – почти семь.

Летний полдень. Бабулин вишнёвый сад. Я сижу под своим любимым деревом, вишней-майкой, раскладываю прямо на земле этикетки, которые тётя принесла мне с консервного завода. У меня прекрасно всё сходится в моём детском, игрушечном балансе вещей по цве-

товой гамме: тыквенный сок, преобладание жёлтого, – один рубль; огурцы, доминирование зелёного, – три рубля; томаты, наличие красного, – десять; икра из баклажанов, с фиолетовым цветом, – двадцать пять. По размеру этикетки почти как деньги, как купюры. Теперь будет гораздо интереснее играть в магазин.

Скоро должен прийти мой двоюродный брат Женька.

Но он не захочет играть в магазин. Он будет играть только в больницу.

Женька жил в Харабах, учился в здешней школе, у него была куча друзей, масса дел. Приходя к бабуле повозиться со мной, изнывающей здесь от одиночества, он делал мне одолжение. И всем своим видом всегда показывал мне, каким огромным это одолжение было.

Лязгала ручка-кольцо калитки, Женька не спеша вплывал во двор, я летела к нему сломя голову, с чувством сокрушительной радости.

– Женя, давай играть в школу!

– Нет. Давай в больницу.

– А давай лучше в жмурки!

– Нет. Будем играть в больницу.

– А может, в магазин?

– Всё. Я пошёл домой. – Он разворачивался, брался за ручку-кольцо.

– Женечка, не уходи! – Я рыдала и соглашалась на больницу.

В тот день Женька пришёл с единственной на тот момент моей харабахинской подружкой, Иринкой Павловой, столкнулся с ней на улице.

При Иринке Женя никогда не выделялся. Без колебаний согласился на прятки.

Водить выпало Иринке. Я побежала прятаться на задний двор, забежала в проход между забором и всякими постройками, пробежала мимо задних стен туалета, курятника, сарая. И вдруг обнаружила, что между курятником и сараем есть щель, очень узкая, но боком я туда помещаюсь. Протиснулась.

Я очень долго ждала, когда же меня найдут. Иринка искала сама, потом уже с Женей, который видел, что я побежала на задний двор, и наверняка выдал меня. Они заглядывали в туалет, в курятник, в сарай. Вышли в проход, но не пошли по нему до конца, ушли, встали в центре заднего двора. Я, стиснутая курятником и сараем, тихонько выдохнула с облегчением. Они громко строили всевозможные невероятные предположения. Может быть, я перемахнула через забор к соседям? Или я лежу на крыше сарая? Или я внутри сарая, но закопалась в уголь? Женька, брат мой, которого я бесконечно любила, предположил, что я упала в туалете в яму, утонула, и нет смысла меня искать. Недрогнувшим голосом. Равнодушно. Бесслёзно.

Я, сплюснутая и возмущённая, передёрнулась, взмахнула руками. В левую руку мою, в ладонь, укусили меня две осы и одна пчела.

Я вынырнула из щели, вылетела из прохода, пролетела мимо застывших от неожиданности и изумления Ирины и Жени. В этот момент я наконец почувствовала боль, в моей нервной системе включился какой-то импульс. Я заорала: «А-а-а», – и подняла вверх левую руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.